

18+

Татяна Лиса

Линия
жизни

Татьяна Лиса

Линия жизни

«Издательские решения»

Лиса Т.

Линия жизни / Т. Лиса — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748029-5

Как жить, если в один момент рушится благополучная жизнь? Что делать, если предадут самые близкие люди? Героиня романа, столкнувшись с тем, что в жизни мужа она играет вторую роль, пытается с честью выйти из сложной ситуации. Покончить с мужем? С соперницей? С собой? Все неоднозначно, но то, что всё в своей жизни героиня поставит вверх дном — неоспоримо...

ISBN 978-5-44-748029-5

© Лиса Т.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Линия жизни

Татьяна Лиса

© Татьяна Лиса, 2023

ISBN 978-5-4474-8029-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

2013 год.

Сидя на подоконнике и прислонившись виском к стеклу, я смотрела вниз, на огни города и качала босой ногой. С некоторых пор это стало моим излюбленным местом, – что ни говори, современные стеклопакеты и широкие подоконники, из – под которых не дует – это вам не те дребезжащие рамы со стеклами, проклеенными изолентой, что были в моем детстве.

Почему, интересно, раньше мне никогда не приходило в голову, что подоконник можно использовать в качестве границы между своим личным пространством и жизнью вне его? Сейчас, к примеру, я часами могу сидеть, не сходя с этого места, и наблюдать за тем, что происходит по ту, либо по эту сторону стекла.

Максим за моей спиной пошевелился, и я повернулась в его сторону. Кто бы сомневался! Как обычно пролив кофе, в данный момент он занимался тем, что размазывал его по столу. Вот из остывшей лужицы получился квадрат, вот монстр – колобок, вот ежик... Если Максим был в настроении, он мог, нарочно добавляя кофе, оставить мне на столе целое послание. Как же я раньше его за это ненавидела! Раньше. Раньше все было по – другому...

Мой муж удивительный человек. А еще удивительнее я, потому что поняла это только сейчас. Отвернувшись, я снова прижалась к стеклу Мысли, как затуманенные, тягуче разносились в совершенно не зависящие от меня стороны. Я задумалась...

В который уже раз, после того, как все случилось, я прокручивала свою жизнь туда и обратно. Была ли у меня возможность прожить ее по – другому? Что бы сейчас со мной было, если бы в решающие моменты своей жизни я поступала не так, как поступала я?

Можно ли, вообще, прожить свою жизнь так, как надо, а не так, как ты живешь? Сама ли я выбирала свою жизнь или мне все уже было предначертано свыше? Может быть, правда, существует тот самый информационный код, который закладывается в каждого человека при рождении? И, если он существует, почему мне достался именно мой, а не чей – то другой?

Надо сказать, подобные терзания каждый раз приводили меня к новым результатам. Сегодня это были выводы одни, а завтра – уже совсем другие. Как прийти к единому знаменателю, я не знала, а посему новый день для меня начинался неизменно с новых вопросов. Вот почему, например, мною никогда не ценилась собственная жизнь? Бабушка – мудрейший человек – всегда говорила, что это большой грех. Я соглашалась: жизнь – это самое ценное, что есть у человека. За отмеренное тебе время можно много чего успеть, много чего достигнуть и во много раз преумножить имеющееся.

Я соглашалась с этим, соглашалась с тем, вообще, старалась бабуле ни в чем не перечить, но жизнь, тем не менее, не ценила. При всем моем убеждении, что человек – сам творец своей судьбы, в судьбу я все – таки верила. Меня невозможно было переубедить, что я могу погибнуть элементарно по неосторожности, я доказывала любому, что умереть невозможно раньше того времени, которое тебе, так сказать, отмерено свыше. Я приводила кучу примеров и доводов в доказательство своей правоты и мне невозможно было не поверить. Но бабушка оказалась права: у того, кто не ценит свою жизнь, ее просто отбирают...

С самого детства я начала увлекаться хиромантией и почти досконально изучила линии на своих ладонях, – самая главная, самая четкая и самая красивая из них была линия жизни. Я любовалась ей и говорила бабушке, что моя жизнь будет чудесной. Быть здоровой, счастливой и жить в любви до глубокой старости мне предначертано свыше. Начало она брала у основания указательного пальца, а заканчивалась на самом запястье – лет сто тридцать мне при таком раскладе точно обеспечено! Еще бы не обеспечено, – в моем роду, вообще, полно долгожителей...

Через некоторое время, захрустев шейей и заскрипев стулом, Максим встал из – за стола. Я машинально соскочила навстречу, но броситься на шею не получилось – равнодушное выра-

жение его лица само за себя говорило о том, что для него я теперь пустое место. Я молча отступила к стене и он просто прошел мимо меня. Я пошла следом. Было что – то нелепое в том, как я тихо ходила за мужем и наблюдала за его действиями. Он вышел на балкон, достал сигарету и закурил. Я, примостившись напротив, смотрела на него и молчала. Он тоже. Было бы странно, если бы было иначе... Я всматривалась в его лицо и находила все больше следов усталости. Неудивительно, прошло еще так мало времени.

Максим, как всегда, смотрел на клубы дыма и, казалось, видит там что – то запредельное. Его взгляд скользил по причудливо меняющимся узорам, я старалась уловить тот же смысл, как, вдруг, его взгляд остановился прямо на мне. Я вздрогнула, – когда это было в последний раз? Макс, не мигая, смотрел мне прямо в глаза, и я боялась пошевелиться. Что – то изменится? Я с напряжением ждала того, что будет дальше, но он просто устало прикрыл глаза. Ни—че—го! Ничего не случилось в тот момент, когда, казалось, что он что – то, наконец, скажет... Хотя, что он теперь может мне сказать?

Мы прошли в спальню. Он лег прямо поверх покрывала и уставился в потолок. Я легла рядом. Боже, какой же он красивый. Когда – то я думала, что он будет только моим... Я протянула руку и коснулась его щеки, – он даже не шевельнулся. Руку я убрала и, не сводя с него глаз, начала вспоминать, какими счастливыми мы были, когда поженились...

Неожиданно раздался звонок в дверь, мы оба вздрогнули. Он кого – то ждет? Не похоже, – вставать Максим не торопился. Звонки не продолжались, но почему – то хотелось пойти и открыть. Он, видимо, думал о том же, потому что медленно встал и двинулся к двери, я следом. Мы прошли в прихожую, Макс щелкнул замком и, распахнув дверь, замер. Я выглянула из – за его плеча: на пороге, тяжело привалившись к косяку, стояла моя Машка. Господи, Машка! Как же она изменилась! Похудела, осунулась, не накрашена, с темными кругами под глазами, – впечатление не из лучших. Она смотрела ничего не выражающим взглядом прямо на моего мужа, а он, не шевелясь, сжимал ручку двери так, что, казалось, она сейчас треснет.

– Макс, – прошептала Машка, – я больше не могу...

Максим сглотнул, закрыл глаза и она, громко зарыдав, бросилась ему на шею. Я прислонилась к стене и по моим щекам, в который уже раз, заструились слезы. Они стояли крепко прижавшись друг к другу, и их тела сотрясались от рыданий. Меня никто не обнимал, – было очень одиноко и страшно несправедливо.

Глава 1

2012 год.

Господи, счастье – то какое! – металось в моем мозгу, пока я торопилась домой. Вот сейчас приеду, зайду в комнату, а там он, – мой самый родной и близкий человек! Как же он обрадуется за меня. Он всегда говорил, что я у него умница.

Машина плавно въехала во двор, и я стремительно выскочила из ее салона. Щелкнула сигнализацией: домой, домой! Каблучки застучали по ступенькам подъезда, к черту лифт, так будет быстрее. На лице улыбка. Пусть меня сейчас никто и не видит, меня нисколько не смущало бы, если бы сейчас передо мной выстроились все соседи. Подхожу к двери, влетаю в квартиру...

– Макс!

Тишина... Неужели его нет дома? Нет, только не сегодня, только не сейчас! Набираю его номер. Длинные гудки... Нет, по телефону говорить не буду. Только лично, только в глаза.

– Алло?

– Макс, привет! А ты где?

– Привет, солнышко. Слушай, я пока на работе. Ты извини, что не успел сказать раньше, но потом я улетаю в командировку. Срочно. Там в Мурманске проблемы с филиалом, так что без меня никак.

– Ну ты даешь! У меня вообще – то для тебя новости...

– Хорошие?

– Отличные! Но рассказывать не буду, прилетишь, тогда узнаешь.

– Ну ладно. Я ненадолго, дня на три, не дольше. Не скучай тут без меня.

Черта с два я буду скучать, подумала я, а в трубку сказала:

– Обязательно буду. А ты скучай без меня! Приедешь, расскажешь, как ты это делал. – Максим рассмеялся, и я, чмокнув трубку, отключилась.

Ну что ж, так даже лучше. Возьму бутылочку коньяка и к Машке. Ах, как давно мы с ней уже не сидели! Раньше, когда у меня еще не было Максима, мы довольно – таки часто баловали свои женские души: возьмем водочки, хлопнем по 100 грамм, и... распахнись душа, девицы гуляют! Замечательное было время! Потом, правда, такие залеты, когда мы любое развлекательное заведение могли поставить вверх дном, с нами случались все реже, пока и вовсе прекратились. То мне недосуг, то ей некогда. Но сегодня мы изменим ситуацию, повернем, как говорится, колесо времени вспять.

Так, подходим к шкафчику, что тут у нас? М – да... Как всегда ничего! Что бы такого одеть, чтобы и удобно, и красиво, и модно? Как назло либо удобное, но некрасивое, либо красивое, но ни черта не удобное. Ладно, не будем предаваться унынию. Я же не на свидание собираюсь, а к подруге, а она меня адекватно воспринимает любой, даже голой в бане.

Одену – ка я вон те черные джинсы, да вот эту синенькую водолазку с кожаным жилетиком... Да уж, что – то не очень. Да и бог с ним, не дресс-код же, в самом деле. Тем более, если сюда добавить тонкий ремешок, то очень даже ничего получится! Ладно, на этом и остановимся, пора уже выезжать, как раз успею Машку забрать с работы.

Подруга моя работала нотариусом. Была, надо сказать, довольно неплохим специалистом и обычно засиживалась в своем офисе допоздна. Обычно, но не сегодня. Почему – то именно сегодня, когда у меня такая радость, когда на заднем сидении лежит пакет с коньяком и безумно дорогим шоколадом, ее не оказалось на месте.

– Машь, ну ты где есть? – закричала я в трубку телефона после раздавшихся гудков и щелчка соединения. – Приехала к тебе, а тут уже все закрыто! – я угрюмо посмотрела на темные окна офиса.

– Тихо, не кричи. Я на собрании у Катьки. А что случилось – то?

– Да ничего плохого не случилось. Я просто грант выиграла, а порадоваться не с кем. Макс уехал в командировку, а я коньячку купила. Может быть, посидим сегодня вечером?

– Давай. Сейчас езжай ко мне, подождешь меня дома. Запасные ключи, как всегда, на вахте у бабы Вали возьмешь. Там курица в холодильнике, можешь запечь, она уже замаринована. А я отвезу Катьку и приеду.

Она отключилась. Ладно, дома так дома. Торопиться мне сегодня некуда, а раз Макса нет, останусь у Машки, переночую, хоть наболтаемся вволю. Я бросила взгляд на часы, – полшестого. Собрания в школе длятся как минимум до шести. Потом Машке надо отвезти Катюшку к бабушке, это еще полчаса, значит, дома она будет примерно к семи часам. Ну и что я там буду делать одна?

Неуемная энергия, казалось, распирала меня изнутри. Сидеть в четырех стенах, да еще и в чужой квартире, не хотелось нисколько, и я решила съездить в аэропорт. Если пробок не будет, я как раз успею поцеловать мужа на дорожку и чуть – ли не вперед Машки приехать жарить курицу.

Решено, я развернула машину и поехала в аэропорт. Сделаю Максиму сюрпрайз! Я нечасто провожала его в командировки. Не вижу смысла. Взрослый человек, надо ехать, – собери вещи и поезжай. У меня такие же дела, работа, я не могу все бросить, и собирать мужа, как ребенка, куда бы то ни было. Максим такие мои мировоззрения не одобряет, но считает возможным с ними мириться. Сегодня порадую мужское самолюбие: любящая жена провожает его в дальнюю путь – дорожку. Заодно и расскажу, что, наконец – то я выиграла в конкурсе дизайнеров и мне в скором времени выдадут грант для реализации придуманного мной проекта.

Пощелкав кнопками на панели, я нашла любимую радиоволну. Ведущая задорным голосом вещала какую – то ахинею, но слушать ее было приятно. Чем мне нравится радио, так это возможностью зарядиться львиной дозой оптимизма в любую, даже самую трудную минуту. Интересно, у них, вообще – то, случаются неприятности? Ну заболели там, или еще какая – нибудь напасть? Очевидно, что да, люди все – таки живые, но как они себя держат! Знай себе слушай, да опыт перенимай.

Впереди уже виднеются очертания аэропорта. Я бросила взгляд на часы, – надо же, как сегодня все гладко складывается: до самолета еще целых полчаса, а я уже на месте. Выпорхнув из машины, я не то что пошла, побежала к сияющим великолепием стеклянным дверям, – они приветливо передо мной распахнулись.

Так, ну и где же его искать, – пронеслось в моей голове. Телефоном пользоваться не хотелось, это вообще не вяжется с предстоящим сюрпризом, придется пройти. Я сбавила шаг, и уже несколько медленней пошла по залу. Внутренне я приготовилась к не совсем уж простым поискам мужа, однако, долго искать не пришлось. В нескольких десятках метров, за одним из столиков стеклянного кафе сидел Максим. С Машкой.

«Все хорошо, все нормально», – дала я себе установку, а в голове сразу стало как – то пусто. Не единой мысли. Я машинально спряталась за большую наклейку на стекле кафе с изображением красивой ласточки в полете, – думаю, если они и посмотрели бы в эту сторону, меня не увидели. Зато я теперь могла абсолютно спокойно смотреть на то, как изящно выглядят их переплетенные руки на фоне темно бордовой скатерти, на то, как трогательно Максим вытирает блестящий след на ее щеке и на то, как удивительно ласково она смотрит в его глаза.

Я смотрела на подругу и открывала для себя нового человека, – я никогда не видела ее такой подавленной. Любовь, тоска, какая – то уж очень явная печаль, казалось, исходили от нее волнами. Мне не было видно лица Максима, но я очень четко увидела, как он взял ее тонкую руку и поднес к своим губам. А потом мой муж медленно, словно в дешевом кино, притянул к себе Машку за ее чертовски красивые волосы и поцеловал. Господи, как же чувственно он это делал! Вместе со мной за этой сценой наблюдало еще минимум одно лицо, – пожилая дамочка

за соседним столиком сначала перестала есть, а когда она увидела с какой нежностью Максим целуют тающую перед ним Машку, томно закатила в глаза. Да уж, красивое расставание прекрасной пары...

Прислонившись спиной к стене, я закрыла наполнившиеся слезами глаза. Сознание, казалось, отключилось. Я не думала ни о чем. Вообще. Увиденная картина во всех красках отпечаталась в моем мозгу, и мне абсолютно не требовалось открывать глаз, чтобы увидеть моих самых любимых людей, сидящих сейчас так близко друг к другу.

Нет, под моими ногами не разверзлась бездна, не грянул гром и не взметнулись молнии, – все было как всегда. Буднично. Обыкновенно. Рядом со мной раздавались голоса, привычным гулом жил своей жизнью аэропорт, кто – то смеялся, кто – то что – то кому – то кричал... А мое тело стало как будто ватное, я не могла пошевелить ни единой своей конечностью, и мне даже не было от этого страшно...

– Девушка, девушка! Вы вообще слышите меня? – Я открыла глаза. Непосредственно передо мной стоял какой – то мужчина, орал мне прямо в лицо и энергично тряс за плечи.

– Вы с ума, что ли, сошли? – ровным голосом спросила я его. Он, казалось, опешил.

– Я сошел? Да это вы тут стоите и ревете уже, наверное, минут пятнадцать!

Я провела рукой по лицу, – действительно все мокрое. Невероятно, когда я плакала в последний раз? В школе, когда сломала пластиковые лыжи? Или в садике, когда упала с горки? Я внимательно посмотрела на стоящего передо мной мужчину. На вид ему было лет сорок. Высокий, крепко сложенный, довольно таки симпатичный человек. Лицо смуглое, может быть просто загорелое, маленькие, коротко подстриженные усики и такая же короткая бородка, – терпеть этого не могу. Хлыщ какой – то, определила я, и неожиданно мне захотелось что – нибудь ему сделать. Вытворить, как всегда говорила моя бабушка. Нет, до грубости я не опущусь никогда, подумалось мне, а рука уже обвилась вокруг его шеи. Бедный мужик ничего не успел понять, как я крепко прижалась к его губам. Господи Боже, видела бы меня сейчас моя Лидочка... Если бы такое в принципе было возможно, именно сейчас она перевернулась бы в гробу.

Мужик сначала замер, как столб, а потом резко попытался меня оттолкнуть. Фигушки, я вцепилась в него еще сильнее! Мой язык скользнул в его рот, а телом я прижалась к нему так крепко, как если бы от этого зависела вся судьба человечества. Я целовала его так, будто не делала этого никогда в своей жизни. Я хотела в нем раствориться, хотела воедино слиться с человеком, абсолютно случайно оказавшимся рядом. Я хотела лишить разума его и хотела сойти с ума сама.

Тем не менее, как – то постепенно в моих ушах прекращался шум, прояснялся ум, и буквально через мгновение передо мною вырисовывалась вся абсурдность данной ситуации. Резко отстранившись от ошарашенного незнакомца, и, тем более, не поворачивая головы к парочке в кафе, я бросилась прочь от этого страшного места.

– Дурочка ненормальная... – донеслось мне в след от зацелованного усача.

«Дурочка, дурочка», – пульсировало во мне оскорбление, а я неслась между шарахающимися во все стороны людьми, натываясь на их сумки и чемоданы. Глаза то и дело застила пелена слез, и, когда я подбежала к машине, то рыдала уже не таясь, громко и некрасиво. Рухнув на сиденье, я машинально бросила взгляд в зеркало, – мое лицо было перекошено, рот кривился в некрасивой гримасе, а по всей коже пошли пятна.

– А – а – а ... – заревела я еще громче, заводя машину. Выезжая со стоянки, я чуть не задела криво припаркованную тойоту, все, кто встречался мне на пути, смотрели на меня дикими глазами, а я редела и кривилась еще больше.

В ушах снова зашумело, в висках стучали отбойные молоточки, а перед глазами только одна картинка... Я ехала и редела, редела и ехала, и через какое – то время начало, что называется, отпускать.

Вопрос «как теперь жить» не вставал, жить я буду обязательно. Проклятий в адрес Машки с Максимом не было, – все – таки мои самые любимые люди... Однако же, сама ситуация сбивала с ног. Я не знала даже, о чем мне думать. Банальный вопрос, как такое могло произойти, не находил во мне абсолютно никакого ответа.

– Муж любил меня, я знаю, больше всех на свете. Он заботился обо мне, ухаживал... Да он никогда не давал мне малейшего повода в нем усомниться! Машка... да это вообще не обсуждается, – это самый преданный мне человек! – Реветь я перестала, из груди вырвался прерывистых вздох, – или все – таки не так?

Что делать? Что предпринять? Порвать с Максом? Или с подругой? Как давно у них все завершилось? Где у них все происходило? А – а – а, с ума сойти можно!

Я остановилась возле небольшого киоска. «Курение вредит вашему здоровью» – гласила надпись на всем продаваемом ассортименте. Ну уж нет! Пачка сигарет – это то, что мне сейчас надо.

– Эти, будьте добры, – постучала я пальцем по нужной пачке. Красивую коробочку зеленого цвета мне протянула бледная рука с облупившимся розовым лаком на ногтях. Любимый цвет моей подруги, между прочим.

Затянувшись горько – сладким дымом чертовски вкусных сигарет, я села на небольшую оградку возле киоска. Когда – то на такой же мы с Машуткой щелкали семечки после уроков...

Я давно не курила, не помню даже насколько давно. Ах, как же сладостен этот миг! Я вдыхала, выдыхала голубоватый дымок, а в голове потихонечку начинали выстраиваться целые фрагменты моей будущей жизни.

Порвать со всеми и уехать далеко – далеко, – это заманчиво. Но, во – первых, этим я ничего не добьюсь, а во – вторых, это мой город. Пусть катятся отсюда те, кто меня предал. Пусть сваливают, женятся и рожают детей... Хотя, на это мы еще посмотрим!

Машка, моя милая, хорошая, преданная подружка Машка. Как она так могла? Мы дружили с ней еще со времен школы. Вместе делали уроки, вместе посещали спортивные секции, вместе ходили на дискотеки и вместе влюблялись в мальчиков. Но никогда, никогда в жизни мы не претендовали на того, кто нравился подруге. Это было табу, негласное соглашение между двумя близкими людьми, и мы никогда его не нарушали.

Однажды, парень, с которым я дружила на первом курсе, пошел провожать с чьего – то дня рождения Машку, когда она несколько перебрала водочки. Подруга едва стояла на ногах, ее тошнило и качало, но когда он попытался ее поцеловать, она надавала ему пощечин. Не заметить последствий ее гнева было невозможно, – на лице парня остались отчетливые следы ее пальцев. Как я тогда ей гордилась! Нет, я и так знала, что она меня никогда не предаст, но получить тому такие явные подтверждения...

А Максим? С самого первого дня нашего знакомства он не сводил с меня влюбленных глаз. Его чувства ко мне были так очевидны, что Машка даже вздыхала: «Вот бы в меня так втюрились...». Довздохалась, наверное. А я, как дура, даже ничего не заметила.

Как такое могло произойти? Я так любила своего мужа... Это знал и он, и подруга, – и тому и другому я твердила об этом не единожды. И все, вроде бы, у нас было хорошо: ни чувства не остыли, ни надоесть друг другу не успели. Или это просто мне так казалось?

Я вытряхнула еще одну сигарету и заглянула внутрь, – полпачки как и не было. Сколько же я здесь проторчала? Ответом на вопрос зазвенел телефон.

– Настя! Какого черта? – раздалось из него. – Ты где есть?

– Машь, да не кричи, – я выкинула недокуренную сигарету, и пошла к машине, – я сейчас уже буду. Ты давай курицу жарь, а то я голодная как волк.

– Сейчас поставлю. Давай быстрее приезжай, а то я тоже есть хочу. – Ага, а что ж ты в кафе кушать не стала? – Насть, ты заедь, пожалуйста, в магазин, купи хлеба, совсем про него забыла.

– Ладно – ладно. Ну все, скоро буду. – Я посмотрела на себя в зеркало, – оттуда на меня смотрело замученное лицо преданной женщины. Я закрыла глаза, попыталась представить рядом с собой бабушку.

– Настюшка, – прекратила она как – то мою истерику по поводу того, что на проводах в армию парня, который мне тайно нравился, он откровенно клеился к другой, – не бывает женщин, преданных мужчиной, бывают женщины, себя таковыми возомнившие. Твои слезы его не взволнуют, это – только твоя проблема. Если он не смог оценить по достоинству тебя как женщину, грош цена ему как мужчине.

– Бабушка, ты не представляешь, как он мне нравится, – взвыла я тогда еще пронзительнее, на что получила ответ:

– Допускаю, что это так и есть. Но запомни, дорогая, об этом совсем не обязательно трубить на каждом углу. Как только ты надумаешь преподнести себя мужчине на золотой тарелочке, пусть хоть трижды с голубой каемочкой, он тут же разобьет тебя об пол...

Данный много лет назад, этот совет навсегда вселил в меня уважение к себе как к женщине. Я давно уже взлелеяла в себе мысль о том, что я самое дорогое, что у меня есть. Честно говоря, мысль о том, что и у Макса – я есть самое дорогое, я тоже лелеяла. Оказалось, напрасно... Однако ж, это не повод разувериться в себе лично. Потому что я осталась все той же Настей, – умницей и красавицей, и я не виновата в том, что Макс меня разлюбил.

С такими мыслями я подрулила к Машкиному дому. Забрала пакет, поднялась на второй этаж.

– Привет, – открыла мне подруга, и я шагнула в квартиру

– Привет, как собрание? – Не единый мускул не дрогнул на ее лице. Забрала пакет, подвинула тапочки:

– Нормально. Ты знаешь, у них опять какое – то строительство. Представляешь, хотят лоджию в актовом зале застеклить, опять деньги сдавать. Мама уже замучилась с этой школой, хоть в другую переводись.

– Ну и переведитесь, раз не нравится.

– Да в том – то и дело, что нравится. И учителя там хорошие, и Катюшка со всеми ладит. Ты же знаешь, вписаться в коллектив, – это уже полдела в учебе. Просто деньги туда улетают как в трубу: то ремонт, то строительство, то банкет, то еще какое –нибудь мероприятие.

– Ладно, за все, как говорится, надо платить, – буркнула я, проходя за Машкой на кухню, – оттуда уже тянулся волшебный запах курицы. – И если Катке там нравится, платите за ее душевное равновесие. А то переведете ее в новую школу, начнутся какие –нибудь проблемы, будете и платить рады, да поздно.

– Да уж, тут ты права. Мы тоже к этому склоняемся, – поддакнула Машка, и начала развивать тему об учебе в современных условиях жизни. Я смотрела на нее и удивлялась, – до чего же гладко льется из нее ложь. И как часто она делала это раньше?

– Ты после собрания никуда больше не заезжала? – спросила я, сама не зная на что надеюсь. Машка задержала взгляд на столе, а потом, как ни в чем не бывало, посмотрела на меня.

– Нет, почему ты спрашиваешь?

– Да просто, – отмахнулась я. И в самом деле, неужели бы она мне призналась? – Я вот, к примеру, в магазине застряла.

– А, – протянула она, как мне показалось, с облегчением, – поэтому я и приехала вперед тебя?

– Наверное.

Я пожала плечами и бросила взгляд на часы. Машка, стоя ко мне спиной, нарезала длинным ножом черный хлеб.

– Слушай, что – то ты какая – то не такая сегодня, – посмотрела она на меня через плечо. Нисколько не кривя душой, я призналась:

– Да невесело что – то... И Максим еще уехал.

– В первый раз будто!

– Ну может быть не в первый, – отщипнув хлеба, я скатала из него шарик, – но именно сегодня мне почему – то стало плохо. – Я не сводила с нее глаз. Она стояла, отвернувшись к раковине, но я четко рассмотрела, как побелели костяшки ее пальцев, сжимавшие край стола, и как глубоко она вздохнула, набрав полную грудь воздуха. Вся ее напряженная поза говорила мне: «Плохо не тебе одной».

– Бог с ним, – неожиданно заявила она, – расскажи лучше, что там у тебя за грант? Что праздновать – то будем?

– Да ничего не будем! – Я встала из – за стола, она, замерев у открытого шкафчика, повернулась ко мне, – Домой я поеду.

За моей спиной громко захлопнулась дверца шкафа, а я уже прошла в прихожую. Наклонилась, чтобы обуться, – еще чуть – чуть и из моих глаз брызнут слезы.

– Не поняла? – раздалось у меня над головой, – Маруся вылетела за мной.

– В другой раз посидим, – не распрямляясь, возилась я с замками. Нижнюю губу закусила так, что больно было и впрямь.

– Что – то случилось? Какая муха тебя укусила?

– Машь, да нормально все, просто домой захотела, – сказала я и, помахав рукой, быстро выскочила на лестничную площадку. Держась за перила, я бежала вниз по лестнице и даже не слушала, что она кричала мне в след. – Сучка, – шептала я, а по моим щекам струились слезы.

Эту ночь я не спала. Плакала, курила и изо всех сил жалела себя.

Глава 2

Через три дня, как и обещал, приехал Максим. Все это время я пыталась как – то свыкнуться с образовавшейся ситуацией. Самочувствие было прескверным, голова страшно болела, давление мучило перепадами, но я никак не могла справиться с собственной хандрой. Мучилась и изводила себя мыслями о подлости мужа, плакала, и бесконечно искала виноватых, и вдобавок ко всему, снова начала курить. Меня это печалило, поскольку я давно уже избавилась от этой привычки, и считала, что больше такой глупости не допущу. Однако же, стоило только выкурить первую пачку, как зависимость от них вернулась на свое законное место, – нескольких лет перерыва будто и не было. Теперь без сигареты мой день не начинался.

Вот и теперь, когда, хлопнув входной дверью, в квартиру зашел Максим, я сидела на кухне возле пепельницы. Прятать все не было смысла – в воздухе стояла дымовая завеса. Ну и пусть, со злостью на саму себя подумала я, а в дверном проеме появился муж:

– Привет! Ты дома?

– Как видишь.

– Не понял, – окинул он взглядом мою «картину маслом». Не смотря ни на что, мне стало перед ним неудобно, – Максим, в принципе – то и не знал никогда, что я это умею. Тем не менее, вид я постаралась принять невинный.

– Что ты не понял, дорогой?

– С каких это пор ты куришь?

– С тех самых! – ответила я с вызовом, а сама подумала: «С тех, пор, как узнала, что ты кобель!»

– Выбрось сейчас же! – выхватил он из моих рук длинную сигарету, – Чтобы больше я этого не видел, – заявил он, ломая ее в пепельнице. Я взорвалась:

– Да что вы такое говорите? Может мне самой выброситься? Из окна, к примеру?

– Ты что ненормальная? – Максим посмотрел на меня действительно как на умалишенную, и это стало последней каплей. Я вскочила на ноги и закричала ему в лицо:

– Да, я дура! Я дура, а ты что этого не знал? А разве не ты делал из меня дуру все эти годы?

– Какие годы? О чем ты говоришь вообще? – он смотрел на меня с таким недоумением, что я разрыдалась от бессилия.

– Да о том, что я от тебя ухожу, понял? – взвизгнула я и понеслась мимо него, направляясь в ванную. Хлопнула дверью, щелкнула замком и заревела. Воду включила но, думаю, что меня все – равно было слышно. Так громко, прямо с каким – то воодушевлением, я это делала.

Через какое – то время, решив, что надо как – то успокаиваться, я набрала в ванную воды. Да, пока Максима не было, пока я его не видела, мне было легче. Я и не знала, что способна на такую истерику. И Максим не знал, он меня такой никогда не видел. Господи, что же теперь делать? Действительно собирать вещи и уходить? Но ведь я не собиралась этого делать...

Погрузившись в ванну, я закрыла глаза и глубоко вздохнула. Максима слышно не было, что он, интересно, делает? Он мне, может быть, сам вещи собрал? Мрачно ухмыльнувшись, я сжала руками виски, – кажется, давление опять поднялось. Голова болела, перед глазами все плыло и меня начинало подташнивать.

– Все хорошо, все хорошо, – прошептала я и с головой погрузилась в воду.

Чтобы быстрее успокоиться, надо глубоко дышать, но чтобы глубоко дышать надо, чтобы тебя не душили рыдания. Я в таких случаях не то что глубоко, вообще дышать не могу. Поэтому, если сейчас мне под водой удастся дыхание задержать, то, вынырнув, я смогу, наконец, и глубоко вздохнуть.

Вздохнуть у меня получилось. И выдохнуть тоже. Через некоторое время, когда или дыхательная гимнастика принесла свои плоды или психоз прошел сам, я успокоилась. Ополоснув-

шись под душем и обмотавшись полотенцами, я вышла из ванны. Максим сидел перед телевизором. По – моему,пил чай, но я сделала вид, что его здесь нет вообще и чинно прошагала в спальню. Лягу спать, да и все. Утро вечера мудренее, а там, может быть, и правда, придется собрать чемоданы.

Я забралась под одеяло и зажмурила глаза. За закрытой дверью Максима слышно не было и вскоре, кое – как расслабившись, я заснула...

Я тогда еще не знала, что с этого момента между мной и мужем начнется холодная война. Что, начиная с завтрашнего утра, потекут долгие дни молчания и непонимания, вечера ссор и упреков. Что в моем доме скоро станет совсем невыносимо находится из – за установившегося между нами барьера измены.

Пока же я просто спала и не видела, как Максим, зайдя в спальню, долго смотрел на меня, закутанную в одеяло, а потом, взяв с собой подушку, тихо вышел из комнаты.

Месяц спустя.

Налив чашечку чая, я подошла к окну. На улице уже было темно, и только огни большого города освещали дома и все еще оживленные улицы. Сфокусировав взгляд на стекле, я всмотрелась в собственный облик, который именно при таком нечетком отражении всегда казался мне наиболее привлекательным.

Уже как – то привычно за последнее время стала накатывать волна отчаяния. Мучительно захотелось плакать и стало очень – очень жаль себя. У женщин так бывает, наверное, вообще у всех. Мне кажется, что у любой из представительниц слабого пола, причем, как бы она ни жила и чем бы в своей жизни не обладала, наступает такой момент, когда ей кажется, что ничего в ее существовании смысла не имеет, что все что у нее есть – это пусто, ненужно и необычайно бессмысленно. Все окружающие вмиг становятся невыносимы. Все, что раньше, если не приносило удовольствия, то, по крайней мере, не выводило из равновесия, вдруг начинает резко бросаться в глаза и нервировать до предела.

Меня до предела доводило вообще все подряд. Мысли о том, почему они так со мной поступили не выходили из головы. Муж и лучшая подруга, – подлость с их стороны я могла бы ждать в последнюю очередь, а точнее, могла бы не ждать вообще.

Перед глазами проносились вечера, проведенные мной в одиночестве, праздники, которые мне приходилось отмечать одной. Максим говорил, что работает, что у него не бывает выходных. Да – а – а, видимо, у него их не бывает для меня...

Он говорил, что, для того, чтобы меня содержать, ему надо много денег, потому что я – его маленькая королева. Он говорил, что любит меня и я никогда не выхожу у него из головы, а я верила. Всему и всегда. Я бы и на этот раз не поверила в то, что у них что – то происходит, если бы мне кто – то про это просто сказал. Если бы я сама все не увидела собственными глазами...

После того, как я все узнала, прошло уже несколько недель. За это время я издергалась так, что начала подумывать о приеме антидепрессантов. Я не могла смотреть на себя, я не могла смотреть на него, мне казалось, что еще чуть – чуть и я сойду с ума. Не проходило вечера, чтобы я к чему – нибудь не прицепилась. Все недостатки Макса, на которые раньше я закрывала глаза, теперь нервировали меня настолько, что я укоряла его в каждом.

– Когда уже грязные вещи будут лежать в корзине для белья, а не в твоём шкафу? – начинала я. – Неужели нельзя помыть за собой бокал?.. Какого черта опять волос в ванне?.. Когда уже будет закручиваться зубная паста? – продолжала и продолжала я его пилить каждый вечер. Он потихоньку огрызался, и я видела, что ему это очень не нравится. И если так пойдет дальше, скоро мы возненавидим друг друга окончательно

Вздыхнув, я крепче обхватила ладонями горячую чашку, – ничего, как –нибудь справлюсь. Взгляд остановился на календаре, – сегодня воскресенье, и поскольку является он единственным в неделе моим выходным, о работе в этот день думается в последнюю очередь. Иногда даже хочется расслабиться... Но не сегодня. Сегодня меня разрывало чувство отчаянья и безнадежности. Не хотелось ровным счетом ничего. И никого. Хотя, если честно, сегодня меня никто и не собирался посещать. То как мы вчера с ним опять поругались вообще заставляло думать, что это было в самый настоящий последний раз. Мы ругались так, будто и не было у нас нежных чувств или хоть капли уважения друг к другу. Было невыносимо больно видеть его напряженную спину и слышать удаляющиеся шаги. Но я, конечно же, как самая обычная женщина, сделала вид, что меня это ни капельки не волнует. Я распрямила плечи, прищурила глаза и сжала пальцы, чтобы не заплакать. Я не заплакала, но какой ценой мне это далось? Сейчас, сидя в одиночестве и упиваясь собственной обидой, я считала, что поступила неправильно. Хотя, это как посмотреть.

Если женщина хочет мира в своей семье, если ей необходимо равновесие в собственной душе и если она жаждет уважения от выбранного мужчины, она всегда ведет себя несколько угоднически, уступая своему избраннику. Я сама так делаю. Я прилично одеваюсь, я читаю умные книги, я говорю с ним о том, что ему может быть интересно. Я не перечу по пустякам, не отказываюсь готовить ужин, хотя не меньше других устаю на работе. Я не грузю его своими проблемами, я не показываю своего плохого настроения, и я, вообще, делаю вид, что у меня никогда не болит голова. В общем, я создаю образ деловой, но очень милой и покладистой девушки... А какого, спрашивается, черта?

Я встала, заходила по комнате. Мной начала овладевать бешеная энергия. Да в самом – то деле, что я кисну? Ну поругались! Ну ушел он! Что мне теперь голову о стену разбить? Я громко некстати засмеялась. Ну это, конечно, если мое надрывное «хо – хо – хо, ха – ха, ха – ха» можно было считать смехом. Решив не придавать этому особенного значения, я кинулась в ванную. Так, соль, масло... я быстро приготовила себе бодрящую ванну с необыкновенно приятными косметическими средствами, и моя душа несколько взбодрилась. Погрузившись в манящую ароматом пену, я закрыла глаза. «Я красива. Я удачлива. Я умна», – твердила я себе уже давно заученную фразу, о необычайной силе которой когда – то прочла в какой – то умной книжке.

Вода остыла. Я, строго следуя бабушкиным заветам, смыла прохладными струями остатки соли и, встав на тростниковый коврик, дала обогатенной маслом воде впитаться в кожу. После такой процедуры я никогда не вытиралась полотенцем, не пользовалась кремом и лосьоном. Но кожа становилась необычайно гладкой, бархатистой на ощупь и приобретала персиковый отлив.

Я посмотрела на себя в зеркало. Не плохо, сказала я себе, хотя раньше так не думала. Форма моих пропорций в народе именовалась грушей. У меня были узкие плечи, довольно небольшая грудь и широкие бедра. В юности, благодаря непомерному аппетиту, у меня всегда были проблемы с нижней частью моего тела. Животик понуро свисал с, казалось бы, совсем отсутствующей талии, бедра упорно носили на себе так называемые галифе, а ноги – замечательнейшее украшение любой женщины, умеющей носить каблуки, были как столбы. С такими только в калошах ходить, куда там на каблуки заглядываться! Когда я сумела взять себя в руки – не помню. Не было предварительных унижений от безответно любимого мальчика, не было желания кому – то отомстить и стать необыкновенно красивой. Это пришло как – то само собой. Я стала поменьше есть, стала качать пресс и «крутить педали» в воздухе. Со временем я купила парочку кассет с записью современных танцев и раза два в неделю проводила у телевизора, тренируя все не задействованные ранее группы мышц. Успех все как – те не приходил... Но, все – таки, постепенно у меня обозначилась талия, грудь стала несколько повыше, а ноги заметно постройнели. Хотя галифе никуда не девалось. Где – то я подсмотрела упражнение,

когда сидя на полу и вытянув ноги вперед необходимо двигаться вперед – назад, помогая себе ягодицами. Результат – галифе уменьшилось и уже не так явно бросалось в глаза. Фигура моя стала подтянута, движения – изящны, хотя бедра, как были самой широкой частью моего тела, так, по большому счету, и остались. Однако же впечатление на саму себя я уже производила.

Послав себе воздушный поцелуй, я стремительно отправилась одеваться. Так, что у нас здесь есть? Естественно, ничего интересного. «Тихо, без паники», – приказала я себе, и пока настроение не начало испаряться, распечатала новую упаковку колготок. М-м-м, запах божественный. Чем мне нравятся дорогие колготки, так это запахом. Никогда старалась не экономить на колготках и нижнем белье. Результат – потрясающий эффект носки и удобства. Тут же на глаза попала черная юбка. Короткая. Ему не нравится... Одеваем! Так, и вот эту кофточку, – красное к черному, все как носила раньше. Подошла к зеркалу, – класс! Пара взмахов тушью, блеск для губ, красота! Прозрачные бусы на шейку, тоненькие браслеты на руку, капелька духов, и я готова. Из зеркала на меня смотрела яркая, красивая девушка. (И никому не буду говорить, что, вообще – то, я уж давно как женщина). Подумав, куртку или плащ одеть, выбрала второе – на улице хоть и было тепло, но все – таки ж осень.

Я вышла из квартиры. Так... И куда податься? Девушка «за тридцать» вышла прогуляться, – веет от этого чем – то вульгарным. Ладно, что – нибудь придумаем, не домой же, в самом деле, возвращаться!

Рядом притормозило такси:

– Тебе куда, красавица?

– Давай в «Коломну», – назвала я первое пришедшее на ум кафе. Машина тронулась.

– Что, отдохнуть едешь? – спросил таксист. Я окинула его взглядом. Уже немолод, одет кое – как, а впрочем, как многие представители его профессии: немарко и удобно. В голове мелькнула неприятная мысль, – то ли он такой любопытный, то ли я так фривольно выгляжу.

– Да, у сестры мужа день рождения, – заявила я, пытаюсь подчеркнуть важность семейного мероприятия. Тот почему – то повел бровью, но промолчал.

Через двадцать минут подъехали к заветному месту, я расплатилась и вышла. Перед дверями элитного кафе мое сердце заметно дрогнуло: и чего я сюда поперлась, сидела бы дома, чаек попивала, может шарфик какой связала... Нет же, ввязалась в какую – то авантюру, причем и заварила – то ее сама. «Нет уж, – решительно сказала я самой себе, – погибать, так с музыкой». Поблагодарив Бога за то, что у нас здесь не Москва, и фейс – контролем стоящий у дверей охранник, похоже, заморочен не особо, я обошла его и толкнула массивную дверь.

– Добрый день, – поприветствовал меня официант, – у вас заказано?

Сердце пропустило один удар, – если меня сейчас отсюда выпрут, мое самолюбие уже никогда не сможет принять достойных форм. Я напустила на себя необычайно важный вид, и выдала:

– Не знаю, но у меня здесь назначена встреча. Правда еще рановато, но ведь я могу подождать? – бросив взгляд на часы, не столько спросила, сколько заявила я.

– Господи, конечно можете! Проходите, пожалуйста, сюда, – повел меня молодой человек между столиками, – видимо моя речь произвела на него некоторое впечатление. – Прошу... Думаю вам тут будет удобно. Делайте, пожалуйста, заказ, я подойду через минуту, – и он испарился.

Как все просто! А ведь раньше я думала, что в Коломну просто так не зайдешь. Это заведение довольно высокого уровня и посещают его только люди привилегированного класса. Недалеко от меня сидела парочка, характер взаимоотношений которой не оставлял сомнений, – молодая, разодетая в пух и прах девочка и солидный преклонного возраста мужичок.

Я раскрыла тяжелое, в кожаном исполнении с металлическим переплетом меню, и задумалась. М – да, что же из всего этого великолепия я могу заказать? Цены тут, прямо скажем, аховые. Произнести сакраментальное «что – нибудь на ваш вкус» я не могу, – вдруг принесет

такое, что я не смогу рассчитаться, – денег у меня в кошельке было, мягко скажем, для данного заведения недостаточно. Закажу, пожалуй, вот этот овощной салатик и карпаччо. По – моему нормально, овощи я в принципе люблю, а карпаччо – это дань моде. И, вообще, давно хотелось попробовать чего –нибудь оригинального, а карпаччо с традиционной нарезкой сырого мяса, – самое то.

Подошел официант. Не один. Прежде чем я сделала заказ, прямо напротив меня уселся какой – то тип.

– В чем дело? – недовольно произнесла я, посмотрев на них обоих. – У вас что, больше нет мест? – Официант изменился в лице.

– Простите, – пролепетал он, переводя взгляд с меня на незнакомца, – я, наверное, что – то не так понял... Но разве столик на восемь часов не у вас?

– У нас, у нас, – произнес незнакомец. – Вы можете идти.

Официант испарился, а я внимательно посмотрела на человека, уверенно расположившегося напротив меня. В нем было что – то знакомое, но где я могла его видеть?

– Простите, кажется, произошла ошибка, – сказала я, – но у меня не назначено никакой встречи на восемь часов. Видимо ваша спутница где – то задерживается.

– Она нигде не задерживается. Я заказал этот столик для себя.

– Но тогда ошибка вышла со мной, – решила я признаться незнакомцу, – дело в том, что я сказала, что у меня здесь встреча только для того, чтобы меня пропустили. Видимо они подумали, что встреча – с вами.

– Ну это все объясняет, – рассмеялся мужчина, – просто здесь новый охранник, иначе вас действительно бы не пропустили.

Мне не понравилось, как он это сказал. И кто тянул меня за язык? Надо было и дальше делать вид, что я тут кого – то жду. В конце – концов, никто бы и не понял, что я тут случайный гость. Хотя, как бы это можно было проверить, когда ты оказался за чужим столом, я не представляла.

– А вы, надо понимать, здесь завсегда? Я смотрю, вам все порядки здесь знакомы.

– Ну – ну! – примирительно поднял он обе ладони вверх, – я не хотел вас обидеть. Я тоже считаю, что в этом заведении слишком много пафоса. Но я здесь действительно часто бываю и вас никогда не видел, а потому и предположил, что просто так, одну, вас бы сюда действительно не пустили.

– Можно подумать... – буркнула я и подняла взгляд на вновь подошедшего официанта. Сказать ему, что я ухожу? Или попросить пересадить меня за другой столик?

– Костя, сделай нам два стейка, гарнир – картофель. Тот, знаешь, как он у вас там называется, маленький такой, круглый, с румяной корочкой? Понял, да? – Костя, черкнув что – то в своем блокноте, кивнул. – Ну и давай бутылочку шампанского, фрукты – овощи – нарезку... Я, надеюсь, у вас с аппетитом все нормально? – обратился он ко мне.

– А вы всегда сначала делаете заказ, а потом интересуетесь мнением другого?

– Всегда.

Да, коротко и ясно. Очень интересный тип. Хорошо, будем надеяться, что его уверенная манера держать себя распространится потом и на уверенность в том, что платить за ужин должен мужчина. Потому что, в ином случае я рискую оказаться в невыгодном положении. И какого черта я поперлась в эту Коломну? Не дай бог оказаться потом без денег в кармане. Максим меня убьет... Хотя, не сам ли Максим тратит деньги направо и налево, встречаясь с моей собственной подругой, наверное же не в дешевых заведениях!

– Может быть познакомимся? – задал мне вопрос незнакомец и тут же представился, – Артем.

– Настя, – улыбнулась я и опустила глаза. Ну что ж, Максик, посмотрим еще кто кого!

– Настя, а что, вы и вправду меня не узнаете? – спросил Артем. Я внимательно посмотрела в его глаза, действительно, что – то знакомое в нем есть.

– М – м – м, простите, Артем, вы действительно кого – то мне напоминаете, но я уверена, что мы не знакомы.

– Вроде бы и не знакомы... Но я прекрасно запомнил ту красивую девушку, что так горестно плакала в аэропорте, а потом подарила мне волшебный поцелуй...

Неисповедимы пути Господа, подумалось мне, а огненная краска совести уже неумолимо заливала лицо. Я закрыла его ладонями.

– Это вы... – глухо простонала я. В ответ мне раздался сдавленный смешок. Открывать глаз не хотелось, будь моя воля, я провалилась бы сейчас куда – нибудь под землю, лишь бы не видеть человека, который сейчас сидел рядом со мной. И как такое вообще было возможно? Допускаю, что тогда он мог случайно оказаться на моем пути. Допускаю, что он и в Коломне сегодня случайно. Но не за одним же столиком со мной! По – моему, это уже перебор. Да и вообще, что за странная манера появляться рядом, когда я веду себя неадекватно?

Я убрала руки, открыла глаза, – будем делать вид, что все нормально.

– А где же ваши усы? – Я внимательно его осмотрела. Положительно, так ему было гораздо лучше. Во – первых, он выглядел намного моложе и интереснее, во – вторых, весь его вид был как – то посвежевшей, аккуратней. Неудивительно, что я его не узнала, – два совершенно разных человека.

– А что, с усами я вам не понравился?

– Нет. Нисколько!

– Неужели? – удивительно легко поползла вверх его широкая бровь. Я поморщилась – действительно, мое тогдашнее поведение абсолютно не вязалось с тем, что я только что сказала.

– Ужели! – довольно резко ответила я и взяла в руки вилку, – Костя уже принес заказ. – Давайте сменим тему. Чем вы занимаетесь?

– Ну... как – то всем понемногу. А вы?

– А я дизайнер. Не нуждается ли вы в планировке, перепланировке помещений, офиса, жилища? Наша фирма «Рога и копыта» орогатит, окопытит и окультурит любую вашу жилую и нежилую усадьбу, конуру или коробку. – Вещала я и размахивала вилкой. Должного эффекта это не произвело.

– Я так и думал, что ты занимаешься чем – то подобным. – Сказал Артем, и мне стало немного неловко за свою браваду.

– Ну ладно, извини. – Как – то незаметно и я перешла на «ты». – Вообще – то я действительно дизайнер. Никакие не рога... Моя фирма называется «Злата». И оказываем мы вполне профессиональные услуги.

– «Злата»? Кажется, я что – то слышал такое.

– Конечно, слышал, – у меня лучшее агентство в городе!

– Ну – ну... – только и сказал он, а я опять ощутила неловкость. Но, в самом деле, почему я не должна так говорить, если мои услуги на этом рынке действительно лучшие? По крайней мере, мне так кажется...

– А почему Злата? А не, например, Настя – вэ бэст?

– Потому что так зовут мою маму. – Я посмотрела на часы и вскочила со своего места. – Слушай, уже поздно. Я, пожалуй, пойду.

– Да сядь ты, заполошенная, – схватил он меня за руку, – ты всегда такая стремительная? Во – первых, ты еще не поела. Во – вторых, у нас еще десерт будет. А в – третьих, если тебе неприятны мои расспросы, давай просто посидим молча. – Артем кивнул на музыкантов и я действительно села. В самом деле, дома меня никто не ждет, кухня здесь прекрасная, музыканты – восхитительны, почему бы не задержаться еще.

Мы замолчали, пару раз я бросала взгляд на Артема, – он смотрел мимо меня, и вскоре я расслабилась. Мысли вяло теснились в голове, и я попыталась вслушаться в приятную мелодию, мягкими волнами разливавшуюся по залу. Потягивая холодное шампанское, я смотрела на музыкантов, а перед глазами попеременно возникали картинки то того, как Максим целует Машкину руку, то того, как я потом целую Артема... Да, кто бы мог подумать.

Кстати, не судьба ли свела меня с этим человеком? Я покосилась на Артема, – Максим, конечно красивее. Да и любит меня, наверное, больше. Этот – вообще случайный какой – то. Случайный, случайный...

А что если не случайный? А что, если это как раз тот самый человек, с которым я могу отомстить и Машке, и Максиму одним махом? Максиму – понятно как, потому что любая измена – это ой какой удар для супруга, по себе знаю, не понаслышке. А Машке? Понятное дело, она вообще не узнает о том, что Артем – это Артем и тайное оружие в моих руках. Вопрос тут будет в том, что я потешу собственное самолюбие, потому что Артем – это идеал мужчины в Машкином представлении. О – о – о, сила и рост – это вообще для нее все. Я еще раз окинула Артема придирчивым взглядом. Силен, могуч, состоятелен... Да она, вообще, лопнула бы от зависти, узнай, какой экземплярчик только что от нее ускользнул!... Ну пусть не только что, ... но ускользнул однозначно.

– Артем, – прервала я установившееся между нами молчание, – а не желаете ли вы станцевать со своей дамой?

– Если только дама не против, – сказал он и подошел, чтобы отодвинуть мой стул.

Протянув руку, он помог мне подняться и не успела я встать, закружил меня в вихре танца. Если он хотел меня удивить, то у него это не вышло, – танцевать я умею прекрасно, не даром любимая бабушка с семи лет отдала меня в танцевальный. Я кружилась и обвивалась вокруг Артема, а он, надо сказать, довольно умело подчинял себе все мои движения. Музыка становилась энергичнее, и если начинали мы под медленную композицию, то сейчас музыканты, видя наше воодушевление, играли все громче, все ярче и динамичнее.

Я танцевала и не сводила с него глаз, а он, тоже довольно активно двигаясь, безотрывно смотрел на меня. Мне казалось, что если я и смогу его заинтересовать, то это произойдет именно сейчас. Всей душой я стремилась вложить в свой взгляд какой – то магнетизм, мне хотелось чтобы он понял, что лучше меня нет никого на целом свете, что я самая хорошая, самая красивая и самая желанная из женщин...

Музыка закончилась, и он, притянув меня за руку, крепко прижал к себе.

– Сумасшедшая, – выдохнул он в мои волосы, и я, подняв голову, посмотрела на его губы. Артем как будто ждал сигнала, наклонился и нежно меня поцеловал. Так нежно, что я прикрыла глаза...

И вспомнила Максима.

Я вообще – то замужем...

Высвободившись из объятий Артема, я прошла к нашему столику. Взяла сумку.

– Ты извини, – сказала я подошедшему Артему, но мне действительно пора домой. Он молчал. – Приятно было познакомиться, – добавила я и пошла к выходу. Артем не задерживал.

Вот так. Как будто ничего и не было. Просто очередная блажь, просто я больше никогда так не буду...

Сразу же поймав такси, я села на заднее сиденье, назвала адрес, и, прислонив голову к стеклу, закрыла глаза. Что со мной сегодня было? Что я вообще делала? Да узнай только об этом Лидочка, не миновать бы мне серьезнейшей грозы.

Да дело и не только в этом. Просто это была не я. Не могу я просто так взять и изменить мужу. Ну и пусть он смог, ну и пусть даже с Машкой. Но я не могу. Такое вертихвосточное поведение мне вообще не свойственно. То, что я думала, то, что я делала в тот момент, когда

пыталась соблазнить этого чертова Артема, это вообще не мое. Я так себя никогда не веду. Ну, или теперь надо сказать, никогда больше не буду...

Но как же сладко он все – таки целуется...

Глава 3

На следующий день Макс так и не позвонил. Зато позвонила его мамочка.

– Доброе утро, – ледяным голосом поприветствовала меня «мама».

– Кхе-кхе, – от неожиданности я не знала, что сказать. Ведь, попросит сейчас Макса, и что я ей скажу? Что мой муж не ночевал дома? Стараясь улыбаться, чтобы мой голос звучал доброжелательно, я пропела, – Доброе утро. Как ваши дела?

– Мои – нормально. А вот, что у вас происходит, мне неизвестно. Нормальным это не назовешь точно.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего! Кроме того, что Максим просил тебе передать, что пока он поживет у нас. – Моя спина окаменела, – подлец! Да как он посмел, вообще! Не хватало еще, чтобы его родители обо всем узнали.

– А что, сам он это мне сказать не мог? – поинтересовалась я, не обращая уже внимания на то, что голос мой зазвучал ровно как у нее. На свекровь такие мои трансформации впечатления не произвели, и она просто бросила трубку.

– Кобыла! – сказала я в трубку и только после этого швырнула ее на тумбочку.

Все они мужики одинаковые! Посмотрите – ка, на него, – обидели мальчика! Побежал к мамочке жаловаться! Под крылышко к маме – курице, цыпленок ты мой, желторотенький. И гнездышко – то, вроде бы, свое уже свил, и сам – то уже вроде как петухом считается, – вон как гребнем – то трясет, направо и налево расшаркивается – шпорами побрякивает, а все туда же! Чуть что – ко-ко, ко-ко-ко-ко, – и на насест!

Собака такой! Слов нет, чтобы описать, что я теперь чувствую. Мерзавец, – сказала бы моя бабушка, и была бы права. Метеором ворвавшись в душ, я так же стремительно его приняла и побежала на кухню.

– Ну и пожалуйста! Да и ради Бога! – гневно выговаривала я своей турке. Та источала божественный аромат, нагнетая воздушную шапку черной пенки и, понятное дело, внимала молча, – Вы думаете, я расстроюсь? Да как бы ни так! Да я – само спокойствие! Да вывести меня из себя способно разве что цунами, но никак не свекровь со своим благоверным! Э-э-э, с моим благоверным! А со своим сыном! – Чуть не прокараулив закипающее уже кофе, я сняла его с плиты, и, наливая в чашку, продолжила, – Вы думаете, я позволю вам над собой издеваться? Вы что, думаете, я здесь пустое место? Да я... Да я, если захочу, вообще, замуж за президента выйду!

Сев за стол и, скосив глаза на календарь на стене, я внимательно посмотрела на изображенного там мужчину. Немолод... Ха, да это что ли преграда? Зато, какой взгляд жесткий! Поворот головы царственный! А губы так, вообще, круче моей свекрови поджимает. Ну а по части напустить тумана, ему, вообще, цены нет. Куда уж тут моя достопочтимая «мама» попала. Он – то уж, поди, точно перед ней не спасует. Не заблеет, как я, овечьим голосом, и не побежит исполнять любое ее указание. Точнее уж она побежит. А я еще и пинка поддам... Эх, и что я замужем не за президентом?

Мысли о президенте так меня увлекли, что я не успела опомниться, как допила кофе, съела четыре булочки и восемь шоколадных конфет.

– Мама-дорогая, – улыбнулась я. Благо меня сейчас никто не слышал. Лет бы меня на дцать назад, и все, – «В Сибирь, в Сибирь, матушка!».

Тем не менее, настроение более – менее выровнялось и я уже спокойно могла собираться на работу.

– Алло? – ответила я, взяв неожиданно зазвонивший телефон. Это был Иван, – мой дизайнер, со своей командой он сейчас работал на важном объекте.

– Насть, привет, тут сейчас опять приезжал этот Игорь, сказал, что ему срочно надо с тобой поговорить, – мы опять превысили смету.

– Смета – смета... Он что думает, мы отделочные материалы сами изготавливаем? – раздраженно спросила я и вспомнила этого Игоря – экономиста моей клиентки. У той денег – куры не клюют, а Игорек этот за копейку задавится.

С самого первого дня он не понравился мне нисколько. Представился, сказал, что по любому вопросу относительно финансирования я должна обращаться к нему и все, – задушил меня своим скупердяйством. Работать с этим человеком у меня не было уже никаких сил. И самое главное, я не могла понять, такая скрупулезность – это его личная инициатива или у него «отмашка» сверху. Тогда опять же, не вижу смысла вообще нанимать дизайнера, если у тебя нет денег на оплату его услуг.

– Ладно, вы пока продолжайте, – сказала я Ивану, – а я разберусь, как нам быть дальше.

По – моему, пришло время встретиться с моей клиенткой. Это вообще какая – то фигура «икс». Это был первый случай в моей практике, когда я работала, в глаза не увидев заказчика. Ее интересы представлял все тот же экономист Игорь.

Впервые мы с ним встретились, когда он приехал в агентство с целью нанять меня на работу в качестве дизайнера для загородного дома для его директора. Он так и говорил: «Наш директор» и «Для нашего директора». Так и сложилось в моей голове, что заказчик – это мужчина. Проект, предложенный мне, был интересен, и я согласилась почти сразу.

Дом был удивителен, мне такие сооружения были всегда по душе. Стоял он в очень удачном месте, на небольшой, аккуратной поляне, почти у самой кромки леса. Из каждого окна открывался восхитительный вид, а сами окна были большими и могли распахиваться на манер ставен хоть вовнутрь, хоть наружу. Дом имел два этажа и пристроенный сбоку гараж. За фасадом дома имелась терраса, которая служила и своеобразным продолжением гаража, окна ее могли, как закрываться на зиму, так и полностью открываться на лето. Сам дом имел г – образную форму, тем самым уютно как бы обнимал собственный дворик. Внутри – ноль отделки, простор для фантазии, и я с огромным воодушевлением взялась за это дело. Заказчик обрисовал передо мной только общую идею: где гостиная, где спальня, где кухня, какие материалы использовать. Остальное – на мой вкус. Мне казалось, что – это рай, – руководствуясь личным вкусом делать любимое дело, да еще получать за это деньги.

Все бы хорошо, если бы не одно но, а точнее, один – он. Игорь Александрович.

– Так – так, милый, сейчас мы и узнаем, разрешал ли тебе хозяин гавкать. – Я порылась в записной книжке, – где – то тут у меня была визитка, по которой когда – то я и поняла, что моим заказчиком выступает женщина. Вот, нашла. Маленькая синенькая полосочка с серебристым тиснением, я постучала ей по столу. Как мне ее вручали?

– Вот вам визиточка, – сказал тогда Игорь Александрович, – тут телефон нашего директора. Если что звоните... Но я вам настоятельно не рекомендую этого делать без особой причины.

Да, именно так, – звоните, но лучше этого не делать. Что ж это за мифический директор такой, уже и меня запугали. Я решительно набрала номер, указанный на визитке.

– Компания Вегатранс, слушаю вас, – ответили мне на том конце.

– Здравствуйте, как бы мне поговорить с вашим директором?

– Простите, – проворковал премилый голосок, по видимому, секретаря, – как мне вас представить?

– Агентство «Злата», Анастасия Ледяева. – В трубке щелкнуло, зазвучала приятная мелодия и буквально через несколько секунд мне ответили.

– Алло? Дарья Алексеевна сейчас не может говорить. Но она может принять вас лично. В 12 вас устроит? – не то чтобы спросила, а больше поставила она меня перед фактом.

– Да, спасибо, устроит, – сказала я и бросила взгляд на часы, – нормально, сейчас девять, как раз успеваю.

Отключившись, я посмотрела на плиту, может быть еще кофе сварить? Время есть, а заполнить его все – равно чем – nibудь надо. Взяв турку, я щедро насыпала в нее кофе, поставила на огонь. Чем мне не нравятся кофеварки, так это бездушностью приготовления. Засыпал, залил, включил – выключил, выпил, – как – то неправильно. То ли дело стоять, глядя на медленно поднимающуюся шапочку кофе, попеременно то снимать, то ставить турку на огонь, помешивать кофе и наслаждаться божественным ароматом, который постепенно начинает заполнять все уголки твоей квартиры? М – м – м, сказка.

Достав с полки свою любимую чашечку, я налила в нее кофе и села за стол. Эта чашечка – последнее, что осталось от Лидочкиного сервиза. Когда – то она его очень берегла, – китайский, очень изящно выполненный, он действительно вызывал чувство бережного к себе отношения. Стенки его были настолько тонки, что я вообще долгое время боялась брать его в руки, не то что чай из него пить.

– Настенька, – говорила мне в таких случаях бабушка, поднося чашку к губам, – я не понимаю твоего страха. Ты же не слон какой, чтобы раздавить в своих руках чашку. Налей себе чай и сядь за стол. И вообще, привыкай держать в своих руках изящные вещи.

Я посмотрела на свои руки, да, ... до того ухоженного состояния, какое имели руки Лидочки, мне было ой, как далеко. Нет, конечно, я за ними ухаживала и вид они имели опрятный, но ногти мои были коротко острижены, сама ладонь была плотной и немного жестковатой. Руки Лидочки, даже весьма в преклонном возрасте, сохраняли светлый тон, хороший тургор и были очень нежными и мягкими. Ногти ее, всегда окрашенные в светлые тона лака, были овальной формы и лишь слегка удлинены. Я покосилась на свои, – они были довольно крепкими, но при всем желании я никак не могла их хоть как – то отрастить, поскольку при моей работе они неизбежно если не ломались, то уж загрязнялись точно.

– Это недопустимо, – выговаривала мне Лидочка. – Твои ногти могут быть не покрашенными, но грязными – никогда.

Ох, как это порой бывает сложно... Сейчас, конечно, я больше работаю за компьютером, или встречаюсь с клиентами, но, тем не менее, если целый день мне приходится работать с краской, клеем и прочим дизайнерским инвентарем, а на следующий предстоит то же самое, то я зачастую попросту ленюсь приводить свои руки в порядок.

Надо пойти хоть скрабом воспользоваться, все – таки встреча с заказчиком. Я бросила взгляд на часы, – время тянулось медленно, наверное, можно и в ванной понежиться. Отставив чашечку с недопитым кофе, я отправилась в ванну. Набрала воды, добавила душистой пены, а мысли мои уносились все дальше и дальше от настоящего. Туда, куда я всегда возвращалась, когда мне было особенно плохо. В прошлое...

1996г.

– Бабуль? – сев на скамеечку возле порога, чтобы переобуться, крикнула я, – ты дома?
– Дома, дома, – раздался голос из кухни, – видишь же, дверь открыта. – Сняв туфли, и погрузив уставшие ноги в мягкие домашние тапочки, я прошла на кухню.

– Привет, – чмокнула я Лидочку в щечку.

– Привет, – подняла она голову от книги, – как дела в школе?

– Нормально, – заглядывая в холодильник, сказала я.

– Ну что ты по холодильникам полезла? – закрыв книжку, встала Лидочка, – на плите суп стоит. Иди мой руки, я сейчас налью.

– А колбаски нет? – заглянула я в кастрюльку, из которой поднимался ароматный парок супа.

– Так! – строго сказала Лидочка, и шлепнула меня по попе, – я сказала, иди мыть руки. А есть будешь, что приготовила.

– Хорошо, хорошо, – засмеялась я, направляясь к рукомойнику, находящемуся в углу комнаты, – у тебя что новенького? Демьяныч не заходил? – наскоро ополоснув руки и вытерев их вафельным полотенцем, я села за стол.

– По – моему, это не твое дело, – стукнула Лидочка тарелкой.

– Да? А что так? – откусывая хлеб, посмотрела я на ее румяные щеки, – я твоя внучка, между прочим. И желаю знать о твоих кавалерах все!

– Настя, не ерничай. Зачем ты мне возвращаешь мои собственные слова? – бабуля при-
мостилась напротив.

– Затем, что в семье должно быть равноправие. Ты контролируешь меня, я – тебя. По – моему справедливо.

– Не справедливо. Ты еще ребенок и за тебя переживать надо. А я уже взрослая, и за меня беспокоиться не нужно.

Я посмотрела на бабушку и решила перепалку прекратить. На самом деле мне и не важно было, заходил ли к ней пресловутый Демьяныч, просто хотелось немного посердить бабулю. И показать ей, что вчера мне тоже был неприятен ее допрос по поводу соседа Мишки, который всего – то лишь и прокатил меня один раз на мотоцикле.

– Ладно, ба, – подперев подбородок, сказала я, – заходил, не заходил, какая разница?

– Вот именно, – буркнула бабуля, делая вид, что поглощена едой, – ешь, давай.

Я еще раз внимательно посмотрела на бабушку, какая же она все – таки у меня красавица! Не удивительно, что этот Демьяныч на нее запал.

Мы познакомились с ним только этим летом, когда он купил домик по соседству с нашей дачей. Неплохой вроде бы мужичок, староват, конечно, так не ко мне же он в женихи набивался! Бабуля с ним практически сразу и познакомилась, – Семен Демьянович оказался заядлым огородником, а это было прямым путем к сердцу бабули.

Странно было видеть, как красивая, вполне себе ухоженная женщина копается на грядках, но факт оставался фактом, – каждое лето, переезжая на дачу, Лидочка днями торчала в огороде.

– Настенька, – говорила она, – женщина, как никто другой должна быть близка к природе. Не надо морщить нос, – это не просто огород, это целое царство.

Фыркать на такие заявления было бесполезно, да и, честно говоря, глядя на Лидочку в огороде, казалось, что она там не работает, а на самом деле отдыхает. Может быть, все дело и было в том, что она любила свою землю? Глядя на других местных женщин, у меня непременно возникало к ним чувство жалости, – уставшие, замученные, вечно недовольные... Бабуля же другое дело, – она будто расцветала, когда приходила весна, и она могла переехать в свой домик, оставшийся ей по наследству от старенькой мамы, – бабушки Стеша. Когда я была еще маленькой, а Лидочка еще работала, она частенько оставляла меня под ее присмотром.

Баба Стеша меня очень любила, и когда Лидочки не было рядом, всегда, глядя меня по голове и целуя в макушку, приговаривала: «Да моя ж ты сиротиночка». Что это означает, я тогда не знала, но нехитрая ласка мне очень нравилась. Потому что после нее обязательно следовал маленький леденец на палочке, извлеченный из кармана фартука, который бабушка Стеша почему – то никогда не снимала.

Мне, честно говоря, тоже очень нравился этот небольшой милый домишко. И пусть до школы из пригорода приходилось добираться на полчаса дольше, зато здесь рядом была и речка, и все мои друзья из детства.

– Кхе – кхе, – раздалось от порога после предварительного стука, – здравствуйте, Настя. А Лидочка дома?

– О! – громко возвестила я, так, чтобы вышедшая из кухни бабуля меня услышала, – Семен Демьянович! Здравствуйте – здравствуйте, проходите, пожалуйста. А мы как раз о вас с бабушкой говорим.

– Да? – смял Семен Демьянович кепку в руках, – что ж, очень приятно...

– А нам – то как приятно! – разулыбалась я. – У нас тут сроду приличных мужчин не было, а тут вы...

– Настя, – оборвала меня недовольная бабушка, – угомонись! Что на тебя сегодня нашло? Здравствуйте, Семен Демьянович. А мы как раз чай собираемся пить, садитесь к столу, – придвинула она ему стул. Демьяныч неуверенно на него сел.

– Да я это... на минутку зашел. Не видно вас что – то с утра было, думаю, зайду, проведу...

– Так жарко сегодня, спасу нет, я и не выходила еще...

– Ладно, ба, – прервала я своих престарелых голубков, – пойду я на речку схожу. Правда, жарко сегодня, схожу искупаюсь, – и, получив, так сказать, благословение, вышла из дома.

Пока я шла к реке, в моей голове неустанно крутилась мысль, как моей бабушке даже в ее возрасте удается привлекать к себе мужчин. Обаяние у нее, что – ли особенное? Мне вот, к примеру, даже в шестнадцать лет никак не удавалось начать с кем – нибудь встречаться. По мнению бабушки происходило это оттого, что я «без царя в голове», но что это значит?

Значило ли это, что мне надо было быть более практичной? Реалистичней? Но что я могла сделать, если мне на самом деле нравилось читать книги, вместо того, чтобы шляться с так называемыми женихами по ночам. О, конечно же, мне хотелось иметь поклонника, но только такого, который будет мне писать стихи, и только такого, который будет говорить со мной о чем – нибудь интересном, как, например, говорит с бабушкой ее Демьяныч... Может, мне стоило одолжить поклонника у бабули?

Спустившись к реке, я быстро сняла вещи и погрузилась в воду. Плавать я умела с детства, практиковала все стили, и сейчас просто наслаждалась тем удовольствием, что дарила мне вода.

– Как водичка? – услышала я с берега, – теплая?

– Пойдет, – крикнула я располагавшемуся там с удочками дяде Вите. Очень колоритная фигура в нашем поселке. Со слов бабушки я знала, что в 30 лет дядя Витя остался вдовцом. Сейчас ему около 50 и он до сих пор один.

Роста он был невысокого, имел внушительную лысину и увесистое брюшко, однако же, претенденток на его сердце от этого не убавлялось.

Дядя Витя был необыкновенно добрым, приятным мужчиной. «В наше время, – говорила про него бабуля, – таких мужчин больше нет».

Грамотный, начитанный, воспитанный, приятный во всех отношениях мужичок. Он не пил, вел домашний образ жизни и являл собой образчик идеального мужчины. Все местные женщины засматривались на дядю Витю, однако же, тот как был один, так и оставался по сию пору.

– Здравсьте, дядь Вить, – подплыла я к нему, и выбралась на берег.

– Привет. А ты что одна? – не отрывая глаз от поплавка, спросил он.

– Да дома все. Рано еще. – Перевернувшись на живот и, подложив руки под голову, я закрыла глаза.

– Как Лидочка? – раздался через какое – то время вопрос. О Господи, и этот туда же!

– Нормально. С Демьянычем чай пьют.

Ответом мне было молчание. Взглянув украдкой на дядю Витю, я увидела его спокойное лицо и абсолютно безмятежный взгляд... Не через чур ли безмятежный?

Хотя, может быть, он просто так спросил. По – соседски. И надо же было у меня что – то спросить? Хотя бы для того, например, чтобы поддержать беседу...

– А вы что – то к нам совсем не заходите, – решила я, тем не менее, проверить свою догадку, – приходите как –нибудь вечерком, с бабушкой в саду чайку попьете, – у нее там специальный уголок организован. Лаванда даже, знаете ли, растет...

– Да что ж я... без приглашения – то? Приду ни с того ни сего... – выдергивая удочку с каким – то мальком на конце лески, пробормотал дядя Витя. Мне показалось или он покраснел?

В принципе, бабушка ему могла действительно нравиться. Она всем нравилась. По – моему, нет ни одного мужчины, который бы оставался к ней равнодушен. В свои 65 она выглядела лет на 50, не больше. Фигура у нее была стройной, подтянутой, – молодые женщины позавидуют. Лицо – миленькое, морщинки – и те красивые. Не зря ее до сих пор все называли не иначе, как Лидочкой. А не какой –нибудь вам бабой Лидой.

– О! – приподнялась я на локтях, – во – первых, не «ни с того, ни с сего», а по – соседски! А во – вторых, я вас только что пригласила!

– Ну понял, – рассмеялся дядя Витя, – как –нибудь обязательно зайду. Хоть и не очень – то я по гостям... – он замолчал. А меня, как выразалась бабушка, начал «дергать черт» залезть мужику в душу.

– Дядь Вить, – начала я. Тот вопросительно вскинул брови. – А чего это вы у нас такой жених завидный и все один?

– А тебе – то я чем завидный? – посмотрел он на меня, и я покраснела так, что почувствовала сама.

– Ну... я не о себе вообще – то. Я так, за других переживаю...

– Переживать надо за себя, – недовольно сказал он, и отвернулся. Да уж, не ровня я ему, как говорится, что бы такие вопросы задавать. Но я же не хотела, чтобы это прозвучало как – то обидно.

– Дядь Вить, да вы извините. Я не собиралась лезть к вам с дурацкими вопросами. Вы не подумайте, что я от глупости спрашиваю... Я вот просто сегодня весь день думаю: счастье всем дается или только некоторым? – я была серьезна. И когда на меня воззрились недоуменные глаза дяди Вити, я продолжила:

– Мне ведь уже семнадцать лет скоро. Вроде бы и немного еще. Но у нас уже все девчонки с четырнадцати лет с пацанами дружат... А мне не нравится никто. Вообще – то я, как все хочу, чтобы у меня жених был. Но что – то не найду никак... Вы не смейтесь, – заметила я его улыбку, – мне это кажется очень серьезным. Вот моя бабушка, – она ведь старая уже, а все – равно всем нравится. Это хорошо, потому что я ее тоже люблю, и пусть это так и будет. Но ведь я – то молодая! И вроде бы симпатичная, а никому не нужна. Я вот и думаю, может быть это просто не дано мне? Мальчикам нравится?

Дядя Витя молчал. Я видела, что он думает, что мне ответить, и для меня было очень важно, чтобы он понял, о чем я говорю. И что дело тут вовсе не в одних мальчиках.

– Знаешь, – начал он, – когда говорят, что для того, чтобы кому – то нравится надо быть собой, этому не хочется верить... Вот – вот, – посмотрел он на мои передернувшиеся плечи, – и зря ты это! Ты когда –нибудь думала над этой фразой всерьез? – я молчала, а он, насаживая на крючок очередного червяка взамен обгрызанного, продолжил:

– Понятное дело, в семнадцать лет вообще не хочется быть собой. Хочется быть модной, красивой, джинсы носить импортные и жить где –нибудь в другом месте. А ты смогла бы? Смогла бы жить в другом месте? Вот у нас многие в Германию уезжают, за западной жизнью гонятся. Хотела бы там жить? – я кивнула, а он покачал головой, – думай всегда, прежде чем что –нибудь предпринять. Ты когда –нибудь думала о том, что переехать в другой российский город – это одно, а переехать за границу, – совсем другое? Там же все по – другому! Да, там красиво, все аккуратно, чистенько, дома, как на открыточках... Но ты там никто, и звать тебя там будут «Никак». Русскому человеку с его – то менталитетом, там тяжело прижиться.

А думаешь, они там деньги большие получают? Да это для нас большие, для России. А там они дворниками работают, туалеты чистят, для местных эта зарплата – копейки. Я уж молчу о статусе... А язык? Понятно, выучишь и все такое. Но ты представляешь, что всю свою оставшуюся жизнь ты будешь слышать только чужую речь? Не нашу родную, а ту, которая принадлежит не тебе, не твоему народу, – ту, что тебе просто пришлось выучить, чтобы быть понятой?...

Я это к чему говорю? Углубился, конечно, но я хочу, чтобы ты понимала, что за осуществлением любого подобного желания стоит целая неудавшаяся жизнь. Та, которая могла бы у тебя быть, если бы ты не принимала неверных решений.

– Первый раз слышу, что исполнение желаний сулит рухнувшую жизнь...

– Настя, ты не передергивай. Начала разговор, как взрослая девушка, а теперь пытаешься сделать вид, что ничего не понимаешь!

– Но если я не понимаю! – я возмутилась.

– Значит, думай лучше! Вообще, на будущее, возьми себе за правило слышать больше того, что тебе говорят.

– Как это?

– Так это! – передразнил меня дядя Витя. – Заведомо думай про себя, что твой собеседник однозначно умнее, чем тебе кажется. Ты же сейчас тоже мне хотела нечто большее сказать, когда про женихов лопотала? Вот – вот! Не смогла все высказать. Так и другие, – многие косноязычные вообще, как собаки: знают, да сказать не могут.

– Ладно, извините. Я постараюсь. Так, что же все – таки о желаниях?

– Тут одно вытекает из другого. Смотри: если у тебя осуществляются правильные желания, естественно, никуда твоя жизнь не рухнет, как ты испугалась. Все будет развиваться гармонично: и ты, и все в твоей жизни. А если ты будешь добиваться исполнения желаний, которые сто лет тебе не нужны, о какой гармонии может идти речь?

– Это ясно, – опустила я ноги в воду по колено, дядя Витя продолжал лицеизреть свою удочку, – не понятно только, как узнать, где то желание, исполнение которого для тебя именно нужно, а не просто так.

– Вот оно и начало нашего разговора. Еще раз тебе повторяю: надо быть самой собой. Не морщся! Только в этом случае ты будешь знать, что тебе нужно. Что тебе действительно необходимо, чтобы чувствовать себя счастливой. Вот подумай сейчас: ты хочешь, чтобы у тебя было много поклонников, так? – я кивнула. – А ты никогда не задумывалась, что они тебе просто не нужны?

– Чего-о-о?

– И ведешь ты себя поэтому соответственно, – дядя Витя будто и не заметил моей вытянувшейся физиономии. – С мальчишками серьезна, не флиртуешь, в кулачек не смеешься... Так?

– Ну, так! Но это не потому, что мне никто не нужен. Так просто себя дурочки всякие ведут.

– Дурочки – не дурочки, но они настроены на легкое общение, а ты нет. Попробуй как –нибудь для эксперимента, ты увидишь, что у тебя получится. Вопрос только в том, надо ли тебе это? Пару раз притвориться легко, а как так можно жить постоянно? Ну не твое это! Не станешь ты мальчишкам головы кружить просто потому, что у тебя это получается. Ты за них переживать будешь, виноватой себя чувствовать.

– Ну и что мне теперь делать? Всю жизнь, что ли, в девках сидеть?

– Ой, прям всю, – в 17 лет как заговорила. Когда твой человек найдется, ты сразу это поймешь.

– Ну вообще! А если мне его до старости придется ждать? – такая перспектива меня не манила и я с силой запустила камень в воду.

– Значит жди. Если ты хочешь быть счастливой, придется ждать... Ты еще молодая, Настя, и все – равно попытаешься скоро то с одним подружить, то с другим. Но просто бесполезно строить отношения с человеком, который для тебя чужой.

Посмотрела на подружку, – она замуж выскочила, последовала ее примеру, руководствуясь просто стадным чувством, и все! Зажила чужой жизнью. Не своей, не той, которая у тебя должна была быть. И пошел в твоей жизни совершенно чужой сценарий. И пишет его кто – то, пишет... А тебе не нравится. Не нравится, а живешь, – сама же выбор делала.

Вот и учись, пока не поздно, выбор правильный делать, а не тот, который другие навязывают. А для этого надо собой оставаться: со своими мыслями, со своими желаниями, и именно со своим образом жизни. Нет у тебя никого, и бог с ними, – живи и радуйся...

– Это вы про себя сейчас? – перебила я его.

– Да и про себя тоже. Ты думаешь тяжело мне одному жить? Нисколько. Тяжело без Катеньки моей, а одному – не тяжело.

– Катя, – это ваша жена была? – спросила я дядю Витю. Тот уже отложил удочку, и, достав из тканевой сумочки термос, налил мне в стаканчик холодного кваса.

– Да. Слышала, небось, что до сих пор ей верность храню? – посмотрел он на меня, – я, не отрываясь от кваса, кивнула.

– Это уж бабки попридумывали. Сделали из меня Бог знает кого. На самом деле я ж живой человек. Когда Кати не стало, я, конечно, очень горевал. Знаешь, какая она была? Как ангел! И красивая, и добрая, и голос ее, словно у ангела был. Я таких людей больше никогда не встречал. Пытался, несколько раз пытался, но, знаешь, если планка человеческих отношений изначально высока, то потом ты ее уже никак не снизишь.

– Ну и что, за столько лет прямо никто и не попался? – вставила я.

– Как видишь. Помыкался я помыкался, да и угомонился. Понял, если не такая, как она, лучше вообще никакой. Тут все за глаза говорят, что я шибко перебираю... Но, знаешь, Настя, если нет у тебя рядом с другим человеком душевного комфорта, то и нечего себе жизнь ломать. Живи один, с себя и спрос, если что.

– М – м – м, – покусывала я травинку, – не каждый так, наверное, сможет.

– Что ж, каждый и не должен. Если для тебя это не приемлемо, сделай выбор сама. Но только сама, чтобы тебе при этом не говорили. Вот ты на кого учиться собираешься?

– В пед пойду. Там разберусь на кого, – неопределенно махнула я рукой, а дядя Витя присвистнул:

– Вот тебе и раз! Я ж тебе про что и говорю! Тебе уже профессию надо выбирать, а ты еще не определилась.

– Ну и ладно. Многие еще не определились.

– А ты не будь, как многие. Будь собой... Ты вот скажи, замуж за богатого выйдешь, если позовет?

– Конечно, – не раздумывала я.

– Угу, – покачал головой дядя Витя, – и учебу бросишь?

– А что мне учиться, если муж богатый, – рассмеялась я. Но дядя Витя был серьезен.

Неожиданно для меня он выдал:

– Ясно, красавица. Такая же балда, как мать.

– Мать? – вскинулась я, – а при чем здесь вообще она?

– Не при чем! – резко оборвал он меня. – Значит так! – Звякнул он ручкой алюминиевого ведра, в котором плескалась пойманная уже рыба, – У меня помимо этого дома еще три квартиры в Москве. А от Кати остались бабушкины бриллианты. Продадим квартиры, драгоценности, и ты выйдешь за меня замуж. Учиться, понятное дело, не будешь, жить будем, где захочешь. Бабушку, если хочешь, тоже заберем. А лучше тут пусть остается. Согласна?

Я открыла рот. Что он только что сказал? Это что за номер вообще? Сдурел он что ли? Старик смотрел на меня, широко раздувая ноздри, он явно был зол. Но что это было? Предложение?

– Вы в своем уме, вообще? – я встала. Уйти или остаться, я еще не знала, сказать что – то гадкое не поворачивался язык, но поверить в услышанное отказывался разум.

– А что такое? Ты только что сказала то же самое.

– Но я не имела в виду вас!

– Хорошо хоть не согласилась и на том спасибо, – отвернулся от меня дядя Витя. – Но кого ты тогда имела в виду? Ты что думаешь, если ты выйдешь замуж за богатого парня, он будет лучше того, что я тебе только что продемонстрировал?

– Так вы пошутили? – облегченно выдохнула я.

– Господи, дурочка ты еще все – таки. Говорили, говорили, а ты так ничего и не поняла. Вообще с тобой и не надо было ни о чем говорить. Иди, купайся.

Дядя Витя полез за новым червяком, а я молча стояла рядом. Ну и чего, спрашивается, он обиделся? Подумаешь, сказала, что выйду за богатого! Да кто об этом не мечтает вообще?

– Дядь Вить, ну что вы, правда... Можно подумать, все богатые плохие. Кому от этого будет хуже, если у меня будет состоятельный муж? Вы – то, поди, своей дочке не посоветовали бы за тракториста выйти?

– Не советовал бы. У меня ее вообще нет. Потому и с тобой, балдой, разговариваю, думал, научу чему... – махнул дядя Витя на меня рукой. – И богатые не плохие. Плохи те, кто за них замуж идет, сами из себя ничего не представляя, – он посмотрел на меня так осуждающе, что мне стало стыдно. И обидно.

– Почему вы так говорите? Откуда вы знаете, что я из себя представляю?

– Слышу! По твоим дурацким мировоззрениям. Сейчас ты школьница, интересна парням пока своей молодостью, может и влюбится в тебя какой – нибудь богатей. А потом? Кто из тебя будет без образования? Без профессии? Когда ты изо дня в день начнешь сидеть дома и превращаться в тетеху? Думаешь, он тебя будет просто так любить? За то, что когда – то ты была такой как сейчас?

– По – моему, вы перегибаете. Я буду за собой следить.

– Ладно, – вздохнул он, – иди купайся. Свою голову другому не приставишь. У меня своя логика, у тебя своя. Может, и не прав я...

Он начал ковырять землю в жестяной баночке с червями, выискивая, видимо, того, кто пожирнее, а я, подобрав платье, собралась уходить. Купаться больше не хотелось. На душе остался неприятный осадок. Тем не менее, молодость взяла свое, и легко отмахнувшись от каких – либо треволнений, я вприпрыжку взбежала на пригорок.

– Дядь Вить, – крикнула я напоследок.

– А?

– А бриллианты – то, правда, есть?

– Тьфу ты, зараза! – сердито плюнул он и демонстративно отвернулся, давая понять, что моя персона его больше не интересует. Я рассмеялась и сбежала с пригорка вниз.

– Все – равно у меня будет муж богатый! – пообещала я себе. Не зная еще, что потом я буду не раз еще вспоминать этот разговор, каждый раз анализируя его с новой стороны.

Дядя Витя к нам так тогда и не пришел. А через несколько месяцев он умер. И так и не узнал никогда, что каждый раз, вспоминая его, я испытывала чувство неловкости за тот разговор. Мне хотелось, чтобы дядя Витя знал, что его слова не прошли даром. Что я с другой стороны посмотрела на себя, и поняла, что он во многом был прав. И что долгое время потом я смотрела на себя через призму его слов.

Что я оценила все, что он мне тогда сказал, и в полной мере прочувствовала то, чего не досказал. Он не узнал и том, что я, поступив все – таки сначала в пед, бросила его, и через год подала документы в архитектурный.

Когда я сидела на лекциях по педагогике, то понимала, что не люблю детей. А посему буду самой настоящей Марьванной, которую дети ненавидят и за глаза называют кикиморой. Пусть поздно, но передо мной все – таки встал вопрос, а кем же тогда быть, если не Марьванной?

Выдержав бурю негодования со стороны бабушки, заверив ее, что мой диплом сгодится потом не только для того, чтобы «им стенки мазать», я четко определила для себя, что это именно, чем я хочу заниматься.

Это было сложно, но как же я счастлива теперь, что сделала тогда именно этот выбор! Боюсь представить, как бы я сейчас жила, если бы стала учительницей. И как же прав тогда был дядя Витя, – моя жизнь пошла бы совершенно по – другому сценарию...

О том, что выбор тогда мной был сделан правильный, я не сомневалась до сегодняшней минуты. Теперь же, когда муж изменил мне с лучшей подругой, я начала сомневаться. Может, еще тогда, в институте, надо было остаться училкой? Вышла бы сейчас замуж за завхоза и жила бы припеваючи, таская домой непроверенные тетрадки и поджидая благоверного со свежими котлетками? А что? Турпоходы, слеты, классные часы и дискотеки, – навсегда осталась бы в эпохе юности. Не так уж и плохо, между прочим...

Закончив с туалетом, выкурив сигаретку и облачившись в красивое белое платье, часов в одиннадцать я отправилась на назначенную встречу.

Успешно миновав пробки, я почти вовремя подъехала к офису, – здание впечатляло. Зеркальные окна, красивые двери, – все здесь было по высшему разряду.

Пройдя охрану, я прошла к лифту и поднялась на нужный этаж. Стены – кофе с молоком, на полу – зеленый кафель, – оригинально...

В приемной – милая девочка лет 18. Рост – модельный, волос – блонд, тут, в общем, все как обычно. Правда, директор – женщина... и зачем ей тут такая красотка?

Представилась. Была награждена ослепительной улыбкой. И после звонка начальнице стремительно препровождена в кабинет.

Войдя внутрь, я быстро скользнула взглядом по обстановке, – кажется, хозяйка кабинета увлекается модным в последнее время фен – шuem. Мебели – минимум, расставлена грамотно, растения поражают ухоженностью своей шикарной зелени. Если я правильно прикинула и по левую сторону от стола север, то хозяйка сего – тот еще карьерист. Это вам не амулетик – талисман, – почти в человеческий рост там стояла прекрасная фигура коня, замершего в прыжке вверх.

Я перевела взгляд на самую хозяйку этого великолепия, – передо мной сидела очень милая, ухоженная женщина. Волос – красивого пепельного оттенка мягко струился по ее плечам, на лице едва уловимый макияж, взгляд внимательный, доброжелательный, – она понравилась мне сразу.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, и, поскольку секретарь меня уже представила, подошла к столу.

– Здравствуй, Настя, присаживайся, – показала она мне на стул. Я попыталась скрыть удивление, – «Настя»! – что за обращение, вообще? Я конечно не мэр города, но в фирме такого класса «на вы» и по имени – отчеству должно быть как минимум. Улыбнувшись, я села. Кинула взгляд на ее ухоженные руки: маникюр, изящный золотой браслет, массивный перстень с рубином, и спрятала свои, – как – то не смотрелись они на таком прекрасном фоне.

– Рада наконец – то с вами увидеться, – начала я, – несколько раз разговаривала с вашим помощником, – очень хороший, милый молодой человек, но он абсолютно ничего не понимает

в дизайне. – Я сжала руки, – кто ее знает, как она прореагирует на критику своего сотрудника, и продолжила. – Понимаете, Дарья Алексеевна, мне не очень хочется вас отвлекать от работы, Игорь Александрович объяснил мне, насколько вы заняты, но мне как дизайнеру очень важно видеть своего заказчика! Судя по тому описанию, которое вы мне предоставили, я представляю, что отделка помещения должна производиться в выбранном мной ключе, а Игорь Александрович настаивает на минимизации расходов.

Дарья Алексеевна, внимательно глядя мне в глаза, кивнула.

– Мне кажется, что вы хотите одного, он говорит мне, что исключительно другого, поэтому, ради Бога, скажите мне сами, чего конкретного вы лично от меня ждете, – выпалила я. Она слегка постучала карандашом по столу.

– Да, наверное, это моя ошибка, нам надо было встретиться раньше. Я далека от творчества, я – практик в чистом виде, и, честно говоря, думала, что вы сами без меня разберетесь. А Игорь Александрович у нас экономист по образованию, и сама идея экономии в нем неистребима... Как – то я не подумала, что он может помешать вашей работе...

– М – м – м, – сказала я и бросила взгляд на стену. Интересно у нее обустроена зона помощников. В фен – шуй считается, что любое пространство можно разбить на так называемые зоны: богатства, любви, семьи и прочих, среди которых имеется и зона помощников. Если в этих зонах гармонично и правильно, с точки зрения этого учения, все расположить, гармония придет и в твою жизнь: улучшится здоровье, заиграет красками любовь и все такое. Помимо гармонизации пространства, в каждой зоне должны стоять и, естественно, работать всевозможные символы, амулеты и талисманы.

Причем, по фен шуй любой подходящий предмет может стать работающим амулетом. К примеру, если в зону любви (а это юго-восток) поместить две красные горящие свечи, то в скором будущем возможно эту самую любовь и встретить. А если в зону помощников поместить икону или фотографию успешного человека, то они непременно станут вам помогать, и в качестве помощников «свыше» устраивать вашу жизнь наилучшим образом.

Судя по занимаемому положению Дарьи Алексеевны, ее помощники работают «будь здоров»! Но удивительна сама их подборка, – в три ряда на стене в рамках висели портреты совершенно не связанных даже по своей деятельности людей. Что конкретно она хотела взять от каждого непонятно, но там были совершенно незнакомые мне люди в черно – белом и цветном изображении, действующий президент России, бывший президент Америки – Билл Клинтон, изображения Будды и Иисуса Христа, парочка ангелов, и самое главное... я остолбенела – Припят? Если я не ошиблась, и это действительно был знакомый мне человек, то – это мой бывший, школьный еще учитель, – Вадим Валерьевич Яценко. Мое лицо, видимо, вытянулось настолько, что моя собеседница это заметила. Я перевела на нее полный недоумения взгляд, но промолчала. Не знаю, честно говоря, как и спросить, откуда она могла его знать. Она смотрела на меня, прищурившись.

– Узнала? – спросила она, и я кивнула.

– Если я не ошибаюсь, это Вадим Валерьевич? Яценко?

– Не ошибаешься, – она улыбнулась, а в моей голове заметались мысли. Возможно, мы и с ней знакомы? Ведь назвала же она меня Настей, а не Анастасией Алексеевной, как золотыми буквами значилось в моей визитке.

Вот же черт, абсолютно не единой версии, если мы когда – то и встречались, я напрочь ее забыла. Хотя как можно забыть такого человека, – Дарья Алексеевна довольно – таки примечательная фигура? Я откашлялась, что – то сильно уж подозрительно она на меня смотрит.

– Простите, мы с вами не встречались когда –нибудь раньше? – спросила я, а она, откинув голову назад, звонко рассмеялась. Я заерзала на стуле. Определенно, эта ситуация нравилась мне все меньше. Воистину говорят, у богатых свои причуды. Я села ровнее, спина сразу напряглась, чего ожидать? Непонятно.

– Настя, неужели ты меня нисколько, даже самую малость не узнаешь? – спросила она, все еще улыбаясь, и я еще раз, более внимательно, посмотрела ей в лицо. Зеленые глаза, не слишком длинные, но очень густые, пушистые ресницы, тонкие, плотно сжатые губы, – лицо довольно примечательное. Стройная фигура, царственная манера держать себя, – от нее так и веяло уверенностью в себе. Это был состоявшийся и очень состоятельный человек, запах денег, казалось, витал вокруг нее в воздухе. И это состояние было для нее естественным. Так ведут себя интеллигенты в поколении, – все атрибуты роскошной жизни, казалось, были впитаны ей с молоком матери. Причем примечательным было то, что она нисколько не кичилась своим благополучием, она совершенно естественно себя вела, и было заметно, что и уровень ее образования, и интеллект в целом соответствовал положению «буржуа». Нет, определенно, с этим человеком я не встречалась никогда. Забыть такую колоритную фигуру мне бы удалось едва ли.

– Нет, простите, – выдавила я из себя. Дарья Алексеевна слегка наклонилась, выдвинула нижний ящик своего стола, извлекла оттуда какую – то вещь, и протянула мне. Это оказалась небольшая фотография в изящной витиеватой рамочке. Я взяла ее и посмотрела на запечатленную на ней девушку, – Господи, поистине сегодня день впечатлений! Прямо на меня смотрела девочка из прошлого, моя одноклассница – Дашка Иванова. По голове как будто ударили, я перевела взгляд с фотографии на Дарью Алексеевну, потом обратно. Боже мой, неужели это она? Куда что делось? – оценив девушку с фото и сидящую напротив меня роскошную женщину, подумала я.

– Д-Дашка? – не столько спросила, сколько взвизгнула я. Она улыбнулась:

– Ну что, еще какие – нибудь доказательства предоставить?

– Не надо! – промолвила я и покачала головой. – Слушай, Даш, никогда бы не поверила, что такое возможно. Так неожиданно встретиться через столько лет, это – фантастика... Даш, ты прости меня, что не узнала, – сижу тут, разговариваю... но не сочти, пожалуйста, за банальную лесть, – похорошела ты необычайно. – Она грустно улыбнулась:

– Ты не представляешь, чего мне это стоило. – Я еще раз окинула взглядом девушку с фотографии: да, стоило, видимо, многого. В голове проносилось тысяча мыслей. И о том, как нас свела судьба, и о том, как мы учились в школе. Той Дашки, которую я знала, уже не было. Я давно слышала, что она, как и многие из наших, уехала из родных краев, но, честно говоря, абсолютно не знала, чем она занимается и где вообще живет. Масштабы перемен, произошедших в ее жизни, впечатляли. Дашка Иванова превратилась теперь в Дарью Алексеевну Острокостову. Директора серьезнейшей компании Вегатранс, которая, благодаря своей деятельности, вошла в прошлом году в десятку лидеров отечественных производителей.

М – да, вот тебе и дворянские корни, – вспомнила я свои предыдущие о ней впечатления. Психолог из меня некудышний, мне только психологические портреты составлять, – такого навру, что ахнуть можно.

Я провела пальцами по фотографии.

– А зачем хранишь? – невольно вырвался вопрос, ей – богу, было непонятно, зачем роскошной женщине такое неказистое напоминание о себе.

– А затем, чтобы не забывать себя. – Мои брови удивленно поползли вверх. – Вообще – то, этой фотографии самое место там, – кивнула она на ряд своих «помощников». – Потому что это – живое свидетельство того, что человек в своей жизни может добиться любой поставленной перед собой цели. Даже если она кажется абсолютно недостижимой.

Дашка потянулась к лежащей на столе пачке сигарет и закурила.

– Будешь? – кивнула она на пачку.

– Буду, – кивнула я головой, – И, если у тебя есть время со мной покурить, может быть, еще чашечку кофе?

Она щелкнула какой – то кнопкой на телефоне:

– Лена, сделай черный кофе... Пойдет? – спросила у меня и я закивала головой.

Не прошло и пяти минут, зашла секретарь. На подносе ароматный кофе, дорогуший и, самое главное, вкуснейший, шоколад, – кажется, здесь уделяют внимание каждой мелочи. Посуда – настоящий, тончайший фарфор, ложечка – серебро, – располагайся дорогой гость, тебя встречают здесь по высшему разряду.

Дашка курила, я курила и пила кофе, в общих фразах мы перебирали всех наших одноклассников: кто, где, как, дети, семьи, – обычный женский разговор. Не знаю, что думала Дашка, глядя на меня, в моей же голове проносились целые фрагменты воспоминаний нашей школьной жизни. Если бы можно было заглядывать в будущее, кто знает, как тогда мы бы относились к нашей Дашке Ивановой.

Нынешнюю Дарью Алексеевну Острокозову – мега успешную бизнес вумен абсолютно никто не любил в школе. Она была на редкость нескладной девушкой. Высокий рост, плоская грудь и такая же плоская попа, отсутствие талии и какие – то кривоватые ноги с заворачивающимися вовнутрь коленками служили ей совершенно дурную службу. Семья Даши была довольно бедной, – родители, правда, как и многие, работали, но заработка, в противовес этому, не имели никакого. Обстановка в их квартире была, что называется «как у всех», однако усугубляло ее то, что содержалась она в некоторой нечистоплотности. То ли потому, что воды в доме не было и ходить за ней лишний раз к общему водопроводу никому не хотелось, то ли мама Даши как хозяйка была «слабовата», но данный факт совершенно естественным образом сказывался на внешнем виде всех домочадцев. И если до остальных нам дела было мало, то над Дашкой мы потешались от души: и так довольно скудный, да еще и редко когда выстиранный гардероб, немодная прическа на регулярно непромытых волосах, проблемная кожа на не знавшем никакой косметике лице и стойкий запах «взросления» обладательницы делали свое черное дело, – хуже Дашки у нас не было никого.

Лично я обожаю имя Дарья, однако Дашку мы именовали не иначе как Дульсинея. Дунька, Дуся – это ее законное. Назвать ее как – то иначе было неприлично, да и, честно сказать, и язык как – то не поворачивался. Наша Дунька была посредственной во всем. Она не умела петь, не умела танцевать, не играла в волейбол, не могла ответить на уроке, – она не умела ничего. Никто от нее ничего и не ждал. Мы не принимали ее всерьез, учителя даром, как говорится, ставили ей тройки ради того, чтобы в классе не было второгодников, и как – то даже пропустили переломный момент в ее жизни.

А случилось вот что. В девятом классе к нам пришел новый учитель математики. Причем пришел, это мало сказано. Нам казалось, что он вернулся с того света и он априори стал нашей легендой.

Вадим Валерьевич. Так его звали. Родом он был из Украины. Припятть... Вам о чем – нибудь говорит это слово? Мне не говорило ни о чем. Когда в 1986 началась эвакуация из Припяти в связи с аварией на Чернобыльской АЭС, мне было всего 7 лет. То ли взрослые тогда не говорили при мне об ужасной катастрофе, то ли я ввиду своего возраста не придавала этому значения, однако в 15 лет, я если и имела о чем – то представление, то это о Чернобыле, а о какой – то Припяти и слыхом не слыхивала, как говорится. Наш Вадим Валерьевич, – Припят, как мы его прозвали, был эвакуирован вместе с матерью из города одним из первых. Это было 27 апреля 1986 года, – день, который стал трагическим для всего советского союза и для 48 тысяч припяттьчан в частности.

– Зона отчуждения... – говорил он дрожащим голосом. – Такими страшными словами теперь называют мой город.

А город, судя по его словам, был действительно райским уголком. Во – первых, это был город атомщиков, и на его финансирование выделялись фантастические средства, во – вторых город был чрезвычайно молод, и все вокруг поражало блеском новизны и величия. Нет смысла описывать все, что в нем было, достаточно будет, наверное, сказать, что в советское время

этот городок одним из немногих, был образцово – показательным. Сюда возили все мыслимые и немыслимые делегации с целью показать, как живет советский народ. И они действительно так жили. Люди с близлежащих районов приезжали отовариваться в Припят, поскольку полки в магазинах у них были завалены (и это в советское – то время!). Детские сады с бассейнами, современные школы, театры, да что там говорить, все здания были новыми, а все вокруг – родное, советское! Когда он рассказывал, как они тогда жили, советское время мне рисовалось в абсолютно идеалистических красках. Не верить ему было нельзя, прошлое не перевернешь, – это была его жизнь: его детство и юность.

Казалось, Дашка верила ему больше всех. Когда Припят рассказывал нам об эвакуации 48-тысячного города за 2 часа, мы сомневались, она – ни капельки. Когда он приводил данные об уровне радиации, которую получили его земляки, мы перепроверяли их в библиотеках, она – нет. Когда он говорил о том, что все они получили лучевую болезнь, а в больницах им отказывались ставить такой диагноз, мы не верили так же. Почему – то хотелось верить врачам, которые объясняли букеты их болезней тем, что они и раньше имели место, просто со временем получили обострение.

Припят рассказывал нам, что после взрыва реактор начал излучать такую радиацию, что люди, работающие возле него, были обречены заранее. Страшно было слушать, что пожарники, которые в числе первых приехали к реактору, чтобы тушить пожар, разлагались потом на глазах своих близких. Мое болезненное воображение долго еще потом рисовало, как вместе с меняемым бельем, с них снимали отслаивающуюся кожу...

Это было страшно, – становиться на место тех людей, которые пережили эту катастрофу. Страшно было думать о том, что с ними стало после облучения. В нашей стране не принято было говорить об ошибках подобного масштаба. А Припят говорил. Он показывал нам фотографии рыжего леса, и, глядя на то, какими яркими красками раскрашен хвойный лес, по коже шли мурашки. Чиновники рапортовали, что в чернобыльской зоне нормальный уровень радиации, а оранжевые елки кричали обратное.

Он говорил о том, что люди, принимающие участие в ликвидации последствий чернобыльской аварии не понимали, с чем им пришлось столкнуться. А тот факт, что находились такие герои, которые меняли над фонащим реактором флаг, который от сильнейшей радиации выцветал через каждые полчаса, не позволял в этом усомниться...

В целом Припята мы воспринимали как героя. Именно с его слов мы открывали для себя истинную картину той трагедии в 86-м. По телевизору об этом уже не говорили, газеты в библиотеках давали лишь удобоваримые факты. Да, авария, да, взрыв, да погибли люди... Но все жители из опасных зон эвакуированы, место взрыва обезврежено, над радиоактивным реактором возведен саркофаг... Звучало убедительно, хотя и маловероятно.

Никто тогда не говорил о том, что многие люди остались без квартир, которые им, правда, выделили, но заселили в них чиновников, их родственников или других важных людей. Нигде не упоминалось о том, что на льготы, положенные от государства, легче всего было попасть ликвидаторам аварии, а не самим жителям Припяти. Считалось, что раз их эвакуировали из зараженной зоны, то тем самым и обезопасили, а пострадали там как раз те, кому пришлось последствия аварии разгребать. Вообще, все, что говорил нам Вадим Валерьевич, мы воспринимали, как истину. Он был непосредственным участником тех событий, очевидец, так сказать, событий и не верить ему мы не видели оснований. Единственное, конечно, нам иногда казалось, что он перегибает палку, что освещает редкие, исключительно единичные случаи несправедливости и произвола...

Когда я говорю «нам», я имею ввиду, всем остальным одноклассникам, кроме Дашки. Потому что ей так не казалось никогда. Надо отметить, сам Припят на подобные темы откровенничал довольно редко. Это было чрезвычайно волнительно и, видимо, довольно болезненно для него. Однако же, нам было интересно именно это, поэтому несколько раз, когда мы выез-

жали классом на природу, нам удавалось вытягивать его именно на такие разговоры. Каждый раз Дашка реагировала на них слезами. Надо сказать, что волосы на голове «шевелились» у всех, и многие впечатлительные барышни хлюпали носами, поэтому на подвывания Дульси-неи особого внимания не обращали.

Однако могли бы. Как потом я часто думала, сам образ нашего Припята, – эдакого героя – переселенца, подействовал на нее особенно сильным образом. Мы все, каждый, кто с ним общался, становились какими – то другими: более лучшими, более думающими, более требовательными к самим себе. На его фоне, на фоне человека, прошедшего такие неоднозначные испытания и казавшегося в нашей среде каким – то «не таким», «другим», выглядеть мелко не хотелось. Мы все, благодаря ему, достигали большего, чем могли бы, все старались быть, прежде всего перед самими собой, лучше, ярче, достойнее. У нас получалось, – наш класс под его классным руководством был лучшим не только в школе, во всем городе! Мы участвовали и побеждали во всех конкурсах и олимпиадах, организовывали всевозможные акции и мероприятия, наша школьная жизнь была ключом и нам было это интересно. Как – то на этом фоне всеобщей активности и разнообразной общественной деятельности личностный рост нашей Дульси-неи замечен не был. Ну стала лучше учиться, да и бог с ней, чему – то же за 10 лет она должна была научиться!

А она не просто научилась, она стала другой. Во – первых, она стала много читать. Начиналось все со всевозможных докладов к классным часам, рефератов о техногенных катастрофах и прочих заданий нашего Припята. Дашка делала это кропотливей всех, находила самый лучший материал и ей больше всех доставалось заниматься со всякими бумажками. Мы были рады свалить на нее тоскливое просиживание в пыльных библиотеках, а она не роптала. С русским у нее было, как говорится, напутано, и ей частенько приходилось все переписывать. В итоге и с правописанием, и с речью немного наладилось, однако мы этого практически не заметили. «Умная стала, выпендривается», – съязвил кто – то когда она попыталась выступить с каким – то предложением перед классом. В итоге та перестала проявлять себя как бы то ни было иначе, чем на уроках или классных часах.

Учителя, напротив, с удовольствием отметили для себя Дашкино старание. Ей теперь можно было поручить какой –нибудь заумный (с нашей, конечно, точки зрения) доклад или выступление перед школой, перед другими школами, и она не отказывалась. Человек маленькими шажками рос над самим собой, добивался все новых и новых высот, а мы все продолжали смеяться. Для нас почему – то не было никакого подвига в том, что она «подтянулась» по всем предметам, ей стали поручать всяческие задания от класса или от школы. «Нашли козла отпущения», – вот и вся наша оценка.

Если Дашка отвечала на уроке, мы ее, честно говоря, даже не слушали; если она выступала перед школой или еще где –нибудь, например, на литературных чтениях перед другими школами, то мы не слушали ее так же, а только обсуждали между собой ее внешний вид, ее манеру речи и ее манеру держаться. Выходила она всегда на полусогнутых ногах, плечи сутулила, голову опускала, короче говоря, выглядела не ахти. Говорила противным голосом, употребляла в речи странные словечки: «если» вместо «если», «туда» вместо «тут», и, вдобавок ко всему, очень часто шумно сглатывала. Глядя сейчас на эту милую женщину, как – то не верилось, что именно она была нашей Дуськой – Дульси-неей.

Я поставила пустую чашку на стол. Дашка затушила очередную сигарету в бронзовой пепельнице, чувствовалось, что пора заканчивать разговор. Подругами мы не были, общие темы исчерпаны, – говорить больше не о чем. Кроме работы.

– Уже обед, – посмотрела я на часы. – Мне пора на склад, туда сейчас подвезут камень, я думаю именно из него выкладывать камин... Так что же мы решим с нашим вопросом?

– Ничего пока решать не будем, – ответила Дашка, – сейчас мне тоже некогда. Какнибудь на днях я подъеду к тебе и поговорим на месте. А пока делай то, что собиралась, Вадиму я

скажу, чтобы оплачивал все необходимые материалы. Прежде чем нанять тебя, я просмотрела все каталоги твоих работ, – меня все устроило, поэтому не заморачивайся. А Вадиму хоть сколько денег дай, он над каждым рублем трястись будет. – Она помолчала. – В принципе, поэтому он у меня и работает. – Вот так: «Он у меня работает». И я у нее работаю. Кто бы мог подумать.

Мы попрощались. Не успела я выйти из кабинета, как туда же устремилась секретарь с огромной папкой документов.

Я прошла по длинному коридору, спустилась на первый этаж и, оглянувшись еще раз на мандариновое дерево в холле, вышла из здания. Впечатления от неожиданной встречи переполняли. Надо же, как играет порой судьба...

Господи, а почему же я не спросила у нее про Вадима Валерьевича? Может быть позвонить? Набрав номер телефона, я попросила секретаря еще раз нас соединить.

– Даш, да это я опять. Ты извини, ради Бога... Но скажи, пожалуйста, где сейчас Припят?

– Умер... Рак крови... – сказала она и тут же отключилась. Я даже не возмутилась такой невежливостью, – известие было значительнее.

Вот, значит, как... Все – таки было оно, это самое облучение. Я вспомнила его улыбку и на душе стало невыносимо тоскливо. Как будто меня только что лишили родного человека. И пусть я нечасто вспоминала школьные годы, все, что с ними было связано, было неотъемлемой частью меня. Даже если я не интересовалась, кто из моих прошлых друзей чем живет, для меня было важно знать, что они именно живы и пусть более – менее, но здоровы и где – то все – таки существуют.

Узнав сейчас, что этого человека больше нет, я почувствовала горькое разочарование. Я очень любила его, считала себя многим ему обязанной... Воспоминания о нем живы настолько, будто школьная жизнь была вчера... Однако же, он умер, а в моей жизни даже ничего не изменилось! Если бы я не узнала этого сегодня, я могла бы этого не узнать никогда. Был человек и нет его, а мне будто бы все – равно...

А если я вот так же умру, неужели и остальным до этого не будет никакого дела? Они так и будут жить дальше? По – прежнему? Как будто меня никогда и не существовало?

Следующий день начался для меня с посещения склада. Вчера перед Дашкой я немного слукавила, сказав, что камень для ее камина уже завезли, это должны были сделать только сегодня, и принять его я хотела сама. Заказав его через интернет, я сильно рисковала и боялась, что он окажется не тем, что я ожидала.

Однако, несмотря на все опасения, камень был выше всяких похвал. Не могу, конечно, сказать, что с ним будет при нагревании, но, судя по внешнему виду, он был все – таки качественным.

Настроение приподнялось, тревога, мучавшая меня по поводу этого заказа, наконец – то улеглась, и я поехала в офис. Несмотря на то, что рабочий день был в разгаре, трудовой доблести я в себе не ощущала. Хотелось куда – нибудь на природу, к воде, к деревьям. К примеру, раньше мне очень нравилось ездить за город к небольшой речке Севастьянке, по берегам которой росли березки и рябинки. Осенью, особенно если листва еще не опала, там было чарующе красиво. Желтые листья берез и алые гроздья рябин производили на меня всегда неизгладимое впечатление. Одной такой поездки мне могло хватить на целый год.

Как правило, домой я привозила с собой букеты рябины, ставила их на кухне и в прихожей, и время от времени перебирала их руками, отчетливо ощущая, как под моими ногами опять шуршат листья, недалеко тихо плещется речка, а над головой снова пронзительно синее небо.

– Слушай, – говорил мне Максим, – если ты такая фантазерка, давай я привезу тебе песка из пустыни и ты будешь думать, что побывала в Египте?

Я молчала и улыбалась, – откуда ему было знать, что мне нужно для счастья?

Сейчас, изо всех сил настраиваясь на работу, я пообещала себе, что в выходные обязательно съезжу в Севастьяново. И это, вроде бы даже сработало, однако, проверить на практике очнулся мой трудоголизм или нет, все равно не удалось.

– Доброе утро, – прошебетала мне Леночка – наш офис – менеджер, когда я переступила порог своей «Златы». – Вам письмо. С утра курьер доставил.

– Спасибо, дорогая! – взяла я протянутый конверт, – Ты сегодня ослепительно выглядишь.

– Спасибо, – улыбнулась она и невольным жестом коснулась груди. Там, скромно покоясь в ложбинке, сияла золотая цепочка. Вообще – то, я не имела ввиду украшение, но Леночке, скорее всего, жених опять подарил «сувенирчик», вот она и радуется такому проявлению внимания.

Пройдя в свой кабинет, я вскрыла конверт. В нем, на фирменном бланке компании «Вегатранс» красивым почерком было выведено название какого – то сайта, а снизу размашисто – фамилия Острокомова.

Это что значит? Что мне надо ознакомиться с этим сайтом?

– Ладно, раз Дашка советует, посмотрим, что там может быть, – сказала я сама себе и пошла к кофеварке. Раз уж такое дело, раз уж все – равно интернет штудировать, можно и кофейку заодно попить.

Сварив кофе и прикурив сигаретку, загрузив сайт и поудобнее устроившись в кресле, я принялась изучать то, что мне предлагалось. А предлагалось то, что с трудом укладывалось в моей голове. А то что укладывалось, вызывало острое чувство тоски и тревоги, чувство беспомощности и щемящей жалости к тем, кого это касалось.

Оказалось, что владелицей сайта была сама Острокомова, и основала она его еще десять лет назад. Кто уж над ним работал, кроме нее, неизвестно, однако объем информации впечатлял, – за день я не изучила и половины.

На главной странице сайта, которая была оформлена алыми розами по черному фону, белыми буквами мерцало название: «Сердце, взрывом разорвав...»; в левом верхнем углу была размещена фотография молодого смеющегося Припята с черной ленточкой в уголке и надписью: «Памяти Вадима Валерьевича Ященко посвящается»; под его фотографией шла ссылка: «Помним, жалеем, скорбим», переход по которой открывал целый список погибших чернобыльцев. Клик по фотографии открывал страницу, посвященную конкретно этому человеку. Посмотрев несколько, я начала плакать и перешла на другие темы.

Тем было много. Изучая их, мне оставалось только лишь вздохнуть над собственной дремучестью. Вот как получается, пока Припят в свое время что – то рассказывал, я это слушала, уясняла, сопереживала людям, ужасалась масштабам катастрофы, а как только школу закончила, – как отрезало. Я закрыла глаза, заткнула уши и больше никогда не интересовалась проблемами Чернобыля, не задумывалась о поломанных судьбах людей, о безжалостно загубленных детях.

Всего из – за последствий аварии умерло около восемнадцати тысяч людей, включая и детей, которые вызывали во мне самое наибольшее сострадание. Я перекусала себе все губы, пока читала маленькие истории о маленьких жизнях. Дашка расстаралась, – она не ограничивалась сухими фразами о масштабах катастрофы, она преподносила ее в лицах. Фотографии ребяткишек, факты из их жизней, – это задевало каждую струнку в моей душе. То, что эти маленькие сокровища умерли, так и не повзрослев, тяготило меня неимоверно.

Тяготило и то, что многие из выживших превратились в калек и инвалидов, изначально не имея для этого никаких предпосылок. Каждое утро они просыпались и бежали играть, сме-

яться и радоваться. А потом, – раз, и вся жизнь потерпела крах. Как же это было страшно и несправедливо.

Шоком стало то, что в радиоактивной зоне отчуждения до сих пор живут люди. Люди и радиация, – как это было возможно? Оказалось, очень даже возможно. На сайте приводились данные о том, что постоянными жителями Чернобыля являются работники зоны атомной электростанции и местные жители. Чем конкретно занимались работники зоны, кроме того, что добровольным образом получали регулярное облучение, я не поняла, а вот местными жителями заинтересовалась.

Оказывается, что помимо Чернобыля и Припяти волна радиации накрыла еще несколько десятков деревень и населенных пунктов. Почему я не интересовалась этим раньше? Ведь оказалось, что эта катастрофа была еще больших масштабов, чем я себе представляла. К примеру, чиновники рапортовали, что весь радиоактивный материал четвертого реактора ЧАЭС находится под бетонным саркофагом, и скромно умалчивали о том, что он неумолимо разрушается. Оказывается, над ним необходимо установить новый саркофаг, а на это необходимо несколько десятков миллиардов рублей.

Скромно умалчивался и тот факт, что некоторые люди после того, как улеглась вся шумиха, вернулись тогда в свои дома и благополучно там проживают до сих пор. Я умилилась, глядя на стареньких бабушек в платочках, плакала, когда читала, что многие из них уже умерли от старости, и поражалась, что на момент интервью они были такими бойкими и жизнерадостными, а теперь вот и их не стало...

Удивительное это место – зона отчуждения. Кажется, что время там остановилось. Фотографии тех мест дают четкое представление о жизни людей в то далекое советское время. Дома, улицы, парки и площади, – когда – то они были наполнены жизнью. Один парк в Припяти, вообще, имел положение ни разу не посещавшегося – его готовились открыть к 1 мая 1986 года. Не успели...

Многоквартирные дома и деревянные избушки, дома культуры и столовые общепита, брошенный транспорт и песочницы во дворах, – не важно, что это было, – но все имело статус: «сделано в советском союзе». Представляю, какая ностальгия мучила тех людей, что тоже были родом из СССР... Странно было видеть, что в наше время со всеми достижениями и благами цивилизации где – то был законсервирован целый пласт другой жизни. Той, которой мы все когда – то жили. Той, что у многих осталась только в памяти...

– Мать, ты чего? Плачешь, что ли? – я, быстро поморгав, обернулась на голос и увидела, что в приоткрытую дверь наполовину всунулся Иван. Удивление на его лице граничило с испугом.

– А ты чего здесь? – спросила я.

– Ну ты даешь! Я вообще – то тут на работе! – покачал он головой и, прикрыв за собой дверь, все – таки зашел в кабинет. Усевшись напротив, потребовал: – Рассказывай!

– Что рассказывать?

– Почему ты слезы крокодильи льешь, рассказывай. Дома что – то не так? – взяв мои сигареты, Иван глубоко затянулся. Странно, но, когда я начала курить, с его стороны не последовало ни одного вопроса.

– Да нет, дома все нормально... Вот ты мне скажи, Вань, ты что – нибудь о Чернобыле слышал?

Иван выпустил колечко дыма, и одарил меня взглядом типа «о, да тут клинкой попахивает...».

– Да я не об этом! – отмахнулась я. – Ты что – нибудь о том, что там после взрыва происходило, знаешь?

– А что там происходило? Пол страны перетравили, пол планеты перегадили, а над реактором хоть и возвели саркофаг, но он все – равно продолжает фонить.

- А я вот ничего этого не знала...
- И что? Теперь узнала, и слезы сидишь льешь? Ну, ты, мать, точно двинутая!
- Так ведь жалко...
- Жалко. А толку – то? Если бы с этим могли что – то сделать... Относись к этому проще. Слышала выражение: «То, что нет возможности исправить, не стоит и оплакивать»?
- Слушай, Ваня, я и не знала, что ты такой сухарь!
- Я не сухарь. Я, когда «Чернобыльскую молитву» прочитал, тоже, не хуже тебя, чуть слезы лить не начал. А потом ничего, отпустило.
- Что за «Чернобыльская молитва»? – кажется, я на такое не наталкивалась. Или у Дашки ее вообще нет?
- Да книжка одна. Непосредственная участница событий написала. Предсмертная исповедь, так сказать.
- Правда, что ли? – я подалась вперед.
- Может быть и не правда. Мне ее сестренка подсунула. «На, – говорит, – Ванька, почитай. Чтобы у тебя охота на жизнь жаловаться навсегда отпала». Я и почитал.
- И что? Отпала?
- Тьфу – тьфу – тьфу, – поплевал Иван, стуча по краешку стола.
- Слушай, а ты знал, что неофициально в Чернобыльскую зону можно на экскурсию съездить? – понизила я голос. Однако, на Ивана моя таинственность впечатления не произвела.
- Почему неофициально? Я слышал, что даже такой журнал как Forbes признал зону отчуждения суперэкстравагантным туристическим местом. Якобы там можно отдохнуть и посмотреть на то, чего больше нигде нет.
- Вот ненормальные.
- А что «ненормальные»? Кто – то на таких ненормальных неплохие бабки делает. И называют их, между прочим, не таким словом некрасивым, а вполне себе даже звучным: сталкерами... А про Чернобыль теперь, вообще, все трубят кому ни лень, – закинул Иван ногу на ногу, а я опять подумала про себя, что я звуков этих труб и не слышала. – Чудесами всякими заманивают. Что ни год, то новое чудо. Про церковь ихнюю слышала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.